

18+

Сьюзен Зонтаг

Женщина, которая
изменила культуру
XX века

ПРЕДИСЛОВИЕ
КСЕНИИ БУРЖСКОЙ –
ЖУРНАЛИСТА,
ПОЭТА, СОВЕДУЩЕЙ
ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ
В YOUTUBE-
ПРОГРАММЕ
«БЕЛЫЙ ШУМ»

Б И О Г Р А Ф И Я

Бенджамин Мозер

лауреат
Пулитцеровской
премии – 2020

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Подарочные издания. Искусство

Бенджамин Мозер

**Сьюзен Зонтаг. Женщина, которая
изменила культуру XX века**

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111.09(73)

ББК 83.3(7Сое)-8

Мозер Б.

Сьюзен Зонтаг. Женщина, которая изменила культуру XX века /
Б. Мозер — «Эксмо», 2019 — (Подарочные издания. Искусство)

ISBN 978-5-04-122045-7

Сьюзен Зонтаг, американский литературный критик, режиссер театра и кино, стала самым настоящим отражением эпохи, призмой, через которую мы разглядываем прошлый век, легендой своего поколения. Масштаб ее личности восхищает, многогранность — покоряет и вызывает отрицание. Зонтаг писала философские и критические эссе, выступала на баррикадах в Сараево, ставила спектакль по Беккету, снялась в картине Вуди Аллена, тесно общалась с Иосифом Бродским и Энди Уорхолом. Ее жизнь — это бесконечный внутренний поиск границы между искусством и искусственным, метафорой и реальностью, правдой и ложью. Книга Бенджамина Мозера представляет собой монументальный труд, на создание которого ушло семь лет. Автор кропотливо собирал по крупицам историю жизни Зонтаг, опросив в ходе своего исследования около 600 человек, среди которых сын Сьюзен Давид Рифф и фотограф Энни Лейбовиц. Изданная осенью 2019 года и уже ставшая бестселлером Amazon, Сьюзен Зонтаг. Женщина, которая изменила культуру XX века. Биография» рассказывает обо всех гранях женщины, которая была истинным феноменом в американской и мировой культуре. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.111.09(73)

ББК 83.3(7Сое)-8

ISBN 978-5-04-122045-7

© Мозер Б., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Предисловие. Жизнь в ожидании Годо	7
Вступление. Аукцион душ	10
Часть I	18
Глава 1. Королева отрицания	18
Глава 2. Главная ложь	26
Глава 3. С другой планеты	31
Глава 4. Нижняя Слоббовия	41
Глава 5. Цвет стыда	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Бенджамин Мозер

Сьюзен Зонтаг. Женщина, которая изменила культуру XX века

Benjamin Moser

Sontag: Her Life and Work

© Copyright 2019 by Benjamin Moser

© Алексей Андреев, перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Посвящается Артуру Жапину и памяти Мишель Кормиер

В: Вы всегда добиваетесь успеха?

О: Да, в тридцати случаях из ста.

В: То есть вы не всегда добиваетесь успеха.

О: Нет, всегда. Тридцать процентов – это всегда.

Из дневников Сьюзен Зонтаг, 1 ноября 1964 г.

Предисловие. Жизнь в ожидании Годо

*Чем доверчивей мавр, тем чернее от слов бумага, и рука,
дотянуться до горлышка коротка, прижимает к лицу кружева смятого
в пальцах Яго каменного платка.*

Иосиф Бродский, Венецианские строфы (1) (1982), Сюзанне Зонтаг

Сьюзен Зонтаг кажется личностью неоднозначной. И после погружения в эту биографию – особенно. Будучи свободной от предрассудков и штампов, она едва ли обладала настоящей свободой в жизни, и это сразу бросается в глаза.

Выйти замуж в 17 лет после недели знакомства, влюбляться и разводиться, рассуждать о сексе (много рассуждать о сексе!) в дневниках, воровать книги в магазинах и запивать амфетамины кофе не мешало Зонтаг всю жизнь придерживаться жертвенной позиции в любви, кое-как следить за собственной гигиеной, скрывать свою личную жизнь и всячески бояться любых ярлыков, пряча это за в общем-то верной мыслью: неважно, что ты носишь, важно – что думаешь.

С одной стороны, эта мысль кажется очень точной – не нужно быть лесбиянкой или ladywriter (переводя на современный язык, «авторкой»), чтобы быть более значимым писателем, и потому это не нуждается в уточнениях, но с другой стороны – нужно быть максимально открытой, чтобы поддержать тех, у кого нет возможности говорить громко.

Зонтаг всегда избегала любой геттоизации, и в этом есть если не внутренняя убежденность, что любые рамки – всегда рамки, но и близкая историческая память. Зонтаг была еврейкой, хоть и отказалась от фамилии Розенблатт, и была женщиной, которая запрещала себе и другим думать о себе как о писателе-женщине, потому что писатель, как и философ, фотограф или наблюдатель, – существо бесполое.

Она была преподавателем, феминисткой, лесбиянкой, матерью – но все это было не более чем чужими представлениями о реальности, соответствовать которым Зонтаг никогда не хотела (и не умела). Вероятно, это и заставляло ее всегда обсуждать проблемы как нечто, что касается других, не опираясь на базу личного опыта. Ее личная история прежде всего не интересовала ее саму.

«Человек, рожденный под знаком Сатурна, был лжецом („притворство и скрытность являются для меланхолика необходимостью”), любил свободу („сам он мог резко рвать с друзьями”) и прятался от дискомфорта на людях за чтением и письмом („ибо первое желание Сатурна при взгляде на любой предмет – отвести глаза, уставиться в угол. Еще лучше – уткнуться в блокнот для записей. Или укрыться за стеной книги”»).

Зонтаг в глазах Мозеса, а потому и наших, становится человеком чуть более реальным, чем сама, вероятно, хотела бы. Мы видим ее закомплексованным и недолюбленным ребенком (и понимаем причины), мы видим ее неудачи в отношениях – с матерью, сыном, любовницами (и понимаем причины), мы вообще учимся тому, как важно понимать причины – и в этом смысле книга несет вполне терапевтическую миссию. Каким бы философом и властителем умов ни был тот или иной деятель культуры, про него всегда найдется, что рассказать – и не только хорошего.

Но биография не эпитафия, а правда важнее вымысла.

Мое знакомство с личностью Зонтаг реверсивно: оно началось с большой выставки Энни Лейбовиц в Берлине. Помню, я была поражена историей их отношений: никогда не жили вместе, не были известны как пара (по крайней мере, при жизни Зонтаг), родили ребенка (Лейбо-

виц родила дочь в 51 год, донором спермы выступил сын Зонтаг Давид). Я думала тогда о том, как Зонтаг должна была относиться к этому ребенку? Ведь она была его бабушкой по крови и матерью по значению. Что за странный выбор? Лейбовиц понять можно – «пусть когда-нибудь можно будет иметь ребенка без него, но нам никогда не иметь ребенка от нее, маленькую тебя, чтобы любить», – но как понять Зонтаг?

«Любить больно. Это как давать себя освеживать, зная, что другой человек в любой момент может просто уйти с твоей кожей».

Вообще, в личности Зонтаг многое перекликается с личностью Цветаевой. Привычка влюбляться наотмашь, даже если знаешь, что это ненадолго (точнее: понимаешь, что есть сценарий – начало, середина, финал), привычка анализировать свои чувства и быть всегда недовольной собой, не разделять людей на женщин и мужчин – лишь бы страсть. Это их полное растворение в других людях и кропотливое наблюдение за своими чувствами видится мне трагичным, и даже финал – одна повесилась, другая умерла от рака – выглядит как обрыв, неспособность справиться с накопившейся страстью, в ноль растраченной энергией.

Эта масштабная книга гораздо лучше расскажет о жизни Сьюзен, чем обрывки ее дневников. А главное, о том, откуда вообще берется это стремление к поиску любви и тепла, которое невозможно насытить. Холодная и отреченная мать Сьюзен, утонувшая в собственном горе от потери мужа и всю жизнь заливавшая его алкоголем, оставила дочь с дырой в сердце, и эту дыру Сьюзен пыталась залепить – то людьми, то книгами, то идеями.

«Споря с общей привычкой поверять творчество писателя его жизнью в своем большом эссе о гётевском «Избирательном сродстве», для самых глубоких размышлений над текстами Бенджамин тем не менее заботливо подбирал биографические подробности – любую деталь, в которой сказывался меланхолик, одиночка».

Из подробнейшей биографии, составленной будто из миллиона разноцветных (и часто не связанных между собой) осколков, мы узнаем о том, что в попытке сбежать от пустоты Зонтаг рано начала читать, и уже в школе была той самой выскочкой и всезнайкой, у которой есть мнение по любому вопросу. Это, кажется, сделало ее одиночкой и убедило в том, что она уникальна.

В шесть лет Сьюзен прочитала биографию Мари Кюри, обладательницы двух Нобелевских премий, и решила, что станет химиком (и получит Нобелевскую премию). Впрочем, за что получать премию, оказалось неважным, важно было противостоять устоявшимся (и устаревшим) нормам, доказать, что женщина способна добиться большего, чем принято считать, и хотя взгляды Зонтаг были далеки от тогдашней феминистической войны, она была истинной феминисткой, которая боролась не акционизмом, а просто тем, что встала в один ряд с великими мужчинами того времени (военными, политиками) и была им ровней – если не в физическом, то в интеллектуальном плане.

«Я чувствую, что во мне расцветает призвание. Я хочу быть свободной. Я готова заплатить цену, в смысле своего собственного счастья, для того чтобы стать свободной».

Зонтаг была уверена: если и деконструировать этот мир, то только ради любви, а еще – искусства. Она боролась не только с гендерными стереотипами и давлением общества, которое заставляло ее быть хорошей женой и матерью (да что там «хорошей»: просто матерью и просто женой), она боролась и с литературой – ее первый роман «Благодетель» был протестом против обязательных атрибутов художественной литературы – сюжета и персонажей.

Мозаичная деятельность Зонтаг напоминает творчество ее подруги – Марины Абрамович, которая тоже деконструировала существующий мир – максимально углубляясь в телесное и духовное, но как будто и то, и другое существуют отдельно от всего окружающего мира и, в общем-то, друг от друга. При этом они обе становились некоторой моделью мира для других.

«Я не была везде, но это входит в мои планы».

Зонтаг неистово любила жизнь, но только не тогда, когда дело касалось искусства: за искусство можно было и умереть. Эту идею подтверждает эксцентричный проект Зонтаг в Сараево: в 1992 году, прямо под бомбежками, она ставила в местном театре пьесу другого нобелевского лауреата, Сэмюэля Беккета, – «В ожидании Годо». Абсурдистская трагикомедия тоже отвечала характеру Зонтаг – она всю жизнь как будто ждала кого-то, кто придет и избавит ее от одиночества, от болезни, от любви. И как много и как быстро она ни бежала – из Беркли в Чикаго, из Чикаго в Париж, из Парижа в Лос-Анджелес, – отстраненный (и даже немного воинственный) взгляд биографа улавливает эту статичность, как и в пьесе Беккета: «они не двигаются с места».

Ксения Буржская

Журналист, поэт, соведущая Татьяны Толстой в YouTube-программе «Белый шум». Родилась в Ленинграде, с 2007 года живет в Москве. Создала smm-агентство для работы с российскими медиа, работала с соцсетями журналов «Сноб», «Русская жизнь», «Большой город», «Домашний очаг», «Популярная Механика» и многих других, публиковалась в журналах «Сноб», Cosmopolitan, GEO, «Большой город», L'Officiel Voyage, Interview Russia и других. С 2014 по 2018 год жила во Франции, об этом опыте написала книгу «300 жалоб на Париж». Работает главным спичрайтером голосового помощника Алиса в Яндексе.

Вступление. Аукцион душ

В январе 1919 года к северу от Лос-Анджелеса на высохшем дне реки собрали массовку из тысячи человек для того, чтобы поставить современную трагедию. Снимали картину по опубликованной годом ранее книге «Аукцион душ» (известной также под названием «Растерзанная Армения»). Книга была написана девушкой-армянкой, пережившей турецкий геноцид. Фильм стал одной из первых зрелищных картин Голливуда в зарождающемся жанре блокбастера, он сочетал в себе спецэффекты и новаторские для того времени решения, производящие на зрителя глубокое впечатление. Непосредственность и убедительность картине придавали задействованная в ней кинохроника, популярная в период Первой мировой войны (она закончилась всего два месяца назад), и попытка сделать фильм, основанный на реальных событиях. Геноцид армян начался в 1915-м и на момент выхода фильма все еще продолжался.

Сухое песчаное дно реки Сан-Фернандо поблизости от Ньюхолла оказалось, как писала одна голливудская газета тех времен, «идеальным» местом для съемок того, как «жестокие турки и курды» гнали «толпы несчастных армян со своим скарбом в узелках и мешках. Некоторые из них вели по каменистым песчаным тропам пустыни маленьких детей»¹. В съемках этого фильма приняли участие тысячи армян, включая тех, кто выжил и смог добраться до Америки.

Некоторым участникам массовки становилось не по себе: сцены массовых изнасилований и убийств, эпизоды, в которых убийцы заставляют жертв копать для себя могилы, и панорамные кадры распятых на крестах женщин были для некоторых слишком впечатляющими. «Несколько женщин, родственники которых погибли от янычарского ятагана, – писали в статье, – потеряли сознание от сцен пыток и насилия».

В конце статьи корреспондент газеты отметил, что продюсер картины пригласил его «пообедать на пикнике».

В фильме есть кадры с молодой женщиной в платье с цветочным узором, одной рукой она держит завязанные в небольшой ковер пожитки, а другой успокаивает девочку. На ее лице застыло выражение испуга. Они стоят на фоне палаток беженцев и не смотрят на приближающихся к ним людей. Мы видим только зловещие тени этих людей. Возможно, их сейчас застрелят. Возможно, учитывая изобретательность убийц, их ждет другая участь, заставляющая мечтать о пуле, которая прекратит страдания.

Глядя на этот снимок, сделанный будто где-то в Анатолии, зритель с облегчением осознает, что это кадр со съемок фильма в Южной Калифорнии, а тени людей принадлежат не туркам-убийцам, а оператору и его помощникам. Несмотря на то что в пресс-релизах о картине писали, что все члены массовки были армянами, эти женщина и девочка были еврейками. Женщину звали Сара Леа Якобсон, а ее тринадцатилетнюю дочь – Милдред.

Мы с облегчением понимаем, что этот кадр инсценирован. Но тогда ни сами барышни, ни операторы не могли подозревать, что ждет Сару Якобсон и ее дочь в ближайшем будущем. Через год после того, как они сыграли свою роль в «мимическом спектакле страданий и бесчестья» и вернулись домой в Лос-Анджелес, Сара Якобсон умерла в возрасте тридцати трех лет. Фотография, о которой мы говорили, стала последним совместным кадром Сары Леа и ее дочери.

Милдред так и не смогла простить свою мать за то, что та ее покинула. Однако преждевременное сиротство оказалось далеко не единственным наследством, оставшимся девочке

---

¹ А. Н. Giebler, "News of Los Angeles and Vicinity: 8,000 Armenians in Selig Spectacle", *The Moving Picture World* 39, no. 4 (1919).

после смерти матери. Сара Леа родилась в городе Белостоке на востоке Польши и умерла в Голливуде. Ее дочери Милдред тоже суждено было много путешествовать. Она вышла замуж за человека, который родился в Нью-Йорке и в девятнадцать лет добрался до Китая, где в пустыне Гоби занимался скупкой пушнины у монголов-кочевников. Муж Милдред, также как и мать, прожил недолго и скончался в возрасте тридцати трех лет.

Их дочери Сьюзен Ли (имя которой является американизированным вариантом имени Сары Леа) было пять лет, когда умер ее отец. Позже Сьюзен писала, что знала его «только по фотографиям»².

«Фотографии, – Писала Сьюзен, – говорят о невинности и непрочности
жизней, движущихся к небытию»³.

Большинство людей, стоящих перед объективом, не думают о неизбежности своей смерти, что делает фотографии еще более «заряженными». Сара Леа и Милдред участвовали в инсценировке трагедии, не представляя, что их собственная трагедия уже не за горами.

Они не подозревали, что картина «Аукцион душ», призванная увековечить память о прошлом, станет точным отображением грядущих несчастий. Пугающе символичной выглядит последняя фотография матери и бабушки Сьюзен Зонтаг, воссоздающая художественный образ геноцида. Зонтаг, всю жизнь стремившаяся объяснить для себя проблему человеческой жестокости и ужаса войны, изучала, как люди воспринимают изображение страдания, и задавалась вопросом, что зритель и наблюдатель делают с этими образами (если вообще что-либо с ними делают).

Для Зонтаг этот вопрос вовсе не был из разряда философских умозрений. Смерть матери Сары Леа не только разбила жизнь Милдред, но и повлияла на судьбу ее внучки Сьюзен. Переломный момент у Сьюзен произошел в одном из книжных магазинов Санта-Моники, где девочка увидела фотографии жертв холокоста. «Ничто в реальной жизни и на фотографиях не ранило меня так остро, так глубоко и так мгновенно»⁴, – писала она.

Сьюзен было двенадцать лет. Шок от увиденного оказался настолько сильным, что практически во всех своих книгах она искала ответ на вопрос, как можно изобразить и выдержать боль.

Книги были ее прибежищем. Они предлагали ей богатый, яркий и разносторонний мир и этим спасали от несчастного детства. Каждый раз, когда Сьюзен становилось грустно и жизнь начинала казаться невыносимой, она тут же пряталась за раскрытой книгой, шла в кино или в оперу. Искусство, возможно, не способно укрыть от разочарований в настоящем мире, но это замечательное болеутоляющее средство, прогоняющее мысли о страданиях. К концу жизни во время очередного геноцида (кстати, это слово впервые появилось в качестве описания трагедии армян, происходившей в период и сразу после Первой мировой войны) Зонтаг поняла, что нужно боснийцам во время гражданской войны в бывшей Югославии. Она поехала в Сараево и поставила там пьесу.

Сьюзен Зонтаг была последней американской звездой литературы тех
времен, когда писателей не просто уважали, но и считали знаменитыми.

До Зонтаг ни один писатель, говоривший о недостатках литературного критицизма в работах Дьердя Лукача и теории нового романа или антиромана Натали Саррот, не добился популярности так быстро, как она. Успех ее работ был впечатляющим и молниеносным.

---

² Sontag, I, etcetera (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1978), 23.

³ Зонтаг. «О фотографии», «Гараж» и издательство Ad Marginem, 2013.

⁴ Ibid., 20.

Сьюзен Зонтаг была высокой и статной красавицей, с оливкового цвета кожей, с «тяжелыми, как у Пикассо, веками и спокойными губами, изогнутыми в полуулыбке Моны Лизы»⁵. Ее фотографировали лучшие художники эпохи. Она была Афиной, а не Афродитой, воительницей, «черным принцем». У нее был ум европейского философа и внешний облик мушкетера, она обладала качествами, которыми, по мнению многих, обладают мужчины. Но Зонтаг была женщиной, и это смелое сочетание женственности и мужественности стало для многих поколений интеллектуалок образцом более значимым, чем все, что они до этого знали.

Последователей и поклонниц поражало, что слава Зонтаг была совершенно беспрецедентной. В начале своей литературной карьеры она могла произвести впечатление некоторой нелепостью своего положения – молодая красавица с прекрасным образованием и широким кругозором, писательница из оплота нью-йоркской интеллигенции, которая решила заняться современной «низкой» культурой, презираемой представителями старшего поколения. Зонтаг появилась неизвестно откуда, она не была знатного происхождения. И хотя многие пытались подражать ее образу, еще никому не удавалось убедительно исполнить эту роль. Зонтаг устанавливала определенные правила игры, а потом сама их нарушала.

Когда ей было всего тридцать два года, она появилась за накрытым на шесть человек столом в дорогом ресторане на Манхэттене. «Мисс Библиотекарша» (прозвище, которым она сама называла свое закрытое и влюбленное в книги «я») на равных общалась с Леонардом Бернштейном, Ричардом Аведоном, Уильямом Стайроном, Сибил Бертон и Жаклин Кеннеди⁶. Зонтаг вращалась в кругах Белого дома, Пятой авеню, Голливуда, журнала *Vogue*, нью-йоркской филармонии и среди обладателей Пулитцеровской премии. Это был самый блистательный круг людей не только США, но и, пожалуй, всего мира, и именно в нем Зонтаг было суждено провести всю свою жизнь.

Надо заметить, что существовало противоречие между той Зонтаг, которую мы видим на фотографиях, и мисс Библиотекаршей. Пожалуй, никогда еще такая красивая женщина не работала так много и упорно. Она часто изумлялась, глядя на фотографии красавиц. В конце своей жизни Зонтаг, увидев свое собственное фото в молодости, с удивлением заметила: «Какая же я была красивая! И совершенно не подозревала об этом»⁷.

Зонтаг жила во времена, когда представления о том, как люди добиваются известности и признания, претерпевали серьезные изменения, и ее отношение к славе менялось вместе с тем. Зонтаг документировала эти изменения. Она писала, что в XIX веке знаменитостью становились те, «кого фотографировали»⁸. Спустя сто лет, в эпоху Уорхола (который, кстати, был одним из первых, кто признал значимость Зонтаг), одного изображения человека на фотографии стало явно недостаточно. Когда фотографируют всех вокруг, слава превращается в картинку, двойника, набор идей, зачастую (однако не всегда) выразимых на языке визуального, которые стоят за человеком, зачастую уже не имеющим значения.

Зонтаг выросла под влиянием Голливуда, поэтому стремилась к признанию и работала над своим образом. Она ужасно расстраивалась, когда слышала эпитеты, которыми награждали ее изображение: «Темная леди американской литературы» и «Манхэттенская Сибилла». Однажды Сьюзен призналась: раньше она надеялась, что «быть известным должно быть гораздо веселее и приятнее»⁹. Она постоянно предупреждала о том, как опасно устанавливать знак равенства между индивидом и его изображением, о ложности того впечатления, которое

---

⁵ *Cynthia Ozick*, "On Discord and Desire", in *The Din in the Head* (Boston: Houghton Mifflin, 2006), 3.

⁶ Интервью автора с Майклом Полофф.

⁷ Интервью автора с Хонором Муром.

⁸ *Зонтаг*. «О фотографии».

⁹ Интервью автора с Винсентом Вирга.

создает картинка, о том, что изображения искажают и скрывают. Сьюзен понимала разницу между самим человеком и его образом, фотографией как воплощением в изображении, иными словами, метафорой.

В сборнике эссе «О фотографии» она писала о том, как легко в случае «выбора между жизнью и фотографией выбрать последнее». В «Заметках о кэмп», эссе, благодаря которому она и приобрела скандальную известность, само слово «кэмп» являлось отражением этого феномена: «Кэмп видит все в кавычках. Не лампа, а “лампа”, не женщина, а “женщина”. Можно ли найти лучший пример кэмпа, чем разница между Сьюзен Зонтаг и “Сьюзен Зонтаг”?»

Опыт работы с фотографией помог Зонтаг понять отличие спланированного снимка, в котором человек позирует сознательно, от изображения, «оголяющего» его тайным наблюдением фотографа. «В любой момент срабатывания камеры заложена скрытая агрессия»¹⁰. (Можно констатировать некое подобие между турецкими экстремистами и оператором и его помощниками, направившими камеру на Сару Леа и Милдред.) «Камеру продают, как холодное оружие»¹¹.

Зонтаг неоднократно ставила вопрос о том, что говорит изображение о запечатленном на нем предмете. «Существует подходящая фотография объекта»¹², – писали о Зонтаг в завещанном на нее в ФБР личном деле. Но что можно считать «подходящей фотографией объекта» и для кого именно она может считаться «подходящей»? Что нового мы можем узнать о человеке – будь то знаменитость или усопшие родители, исходя из «набора фотографий»? В начале своей карьеры Зонтаг со скепсисом задавалась этим вопросом. Изображение извращает правду путем создания видимой, но фальшивой близости, писала она. И что, в конце концов, мы можем узнать о Сьюзен Зонтаг, глядя на одноименную кэмп-икону «Сьюзен Зонтаг»?

Во времена Зонтаг разрыв между предметом и его восприятием стал предельно очевидным. Бесспорно, об этом разрыве писал еще Платон. Философы пытались найти изображение и язык, которые ничего не искажают. Например, в Средневековье евреи считали, что по причине царящей в мире несправедливости существует разделение субъекта и объекта, а также слов и их значений. Бальзак с большим недоверием относился к фотокамерам, считая, что те «оголяют» предмет съемки. Зонтаг писала, что изображение «снимает слои объекта»¹³. Пылкое суждение Бальзака во многом говорит о том, что фотография будоражила не только разум.

Точно так же, как и Бальзак, Зонтаг остро воспринимала метафоричность кадра. Читать ее тексты – значит неизбежно задумываться, почему все, что связано с метафорой, отношением предмета и его знака, было для нее так важно, так беспокоило ее.

Почему, в конце концов, для многих абстрактное отношение эпистемологии и онтологии стало для нее вопросом жизни и смерти?

Je rêvedoncje suis / Я мечтаю, следовательно, существую.

Эта перефразированная цитата Декарта является первой строчкой дебютного романа Зонтаг¹⁴. Это первое предложение и единственная на протяжении всего произведения фраза на иностранном языке бросается в глаза. Герой романа *The Benefactor*/«Благодетель» Ипполит оторвался от всех обыкновенных стремлений – семьи, дружбы, секса, любви, денег и карьеры – ради снов и мечтаний. Единственной реальностью для него являются его собственные сны.

¹⁰ *Sontag*. «О фотографии».

¹¹ *Ibid.*, 11.

¹² Conor Skelding, “Fearing ‘Embarrassment,’ the FBI Advised Agents Against Interviewing Susan Sontag”, Muckrock, June 13, 2014, <https://www.muckrock.com/news/archives/2014/jun/13/susan-sontag-security-matter>.

¹³ *Sontag*. «О фотографии».

¹⁴ *Sontag*, *The Benefactor: A Novel* (New York: Farrar, Straus, 1963), 1.

Через сны Ипполит «хочет лучше понять самого себя и познать свои истинные чувства». «Я увлечен своими снами как действием»¹⁵.

Исходя из этой формулировки (только стиль, никакого содержания) сны Ипполита можно назвать квинтэссенцией кэмп. Отрицание Зонтаг «чистой психологии» является отрицанием вопросов связи между сутью и стилем, по аналогии: между телом и душой, предметом и его изображением, реальностью и сном. В самом начале своей карьеры она писала о том, что сон является реальностью. В самой первой строчке своего первого произведения она заявила, что все мы являемся, по сути, лишь сном – воображением, иллюзией сознания, метафорой.

Такой подход не вяжется с задачами традиционного романа. Если мы не в состоянии узнать о людях ничего нового путем путешествия в мир их подсознательного, то зачем вообще писать об этих людях? Ипполит осознает эту трудность, но уверяет читателя, что в таком восприятии есть преимущества. О своей любовнице, которую он продал в рабство, он говорит, что та, вероятно, «чувствовала, что я не испытывал к ней сильных романтических чувств». «Но мне хотелось бы, чтобы она поняла, как глубоко, хотя и обезличенно, я воспринимал ее в качестве олицетворения страсти к моим снам»¹⁶. Героя Зонтаг другой человек интересует исключительно как плод собственного воображения. В некотором смысле отношение героя соответствует определению писательницы понятия кэмп – «восприятие мира в качестве эстетического феномена»¹⁷.

Однако мир вовсе не является эстетическим феноменом. За сном следует действительность. Зонтаг описывала свое отношение к мировоззрению Ипполита как неоднозначное. «Меня привлекает кэмп, но точно так же он меня и отталкивает». Позднее она неоднократно говорила, что за описанием существует реальный предмет, реальное тело наравне с умом, в котором появляются мечты, и реальный человек, в отличие от своего изображения на фотографии. Уже в зрелом возрасте она утверждала, что одной из задач, стоящих перед литературой, является помощь в осознании того, что «на самом деле существуют другие, отличные от нас люди»¹⁸.

И действительно, другие люди существуют. Чтобы прийти к этому удивительному умозаключению, не требуется долгих размышлений. Но Зонтаг скорее отвергала реальность – саму реальность, а не ее метафору.

С раннего возраста она знала, что реальность жестока, неприятна, и лучше ее избегать. Будучи ребенком, она надеялась, что ее мама выйдет из алкогольного ступора, и мечтала жить на вершинах мистического Парнаса, а не на прозаической улочке в предместьях большого города. Усилием воли она хотела заглушить самую сильную боль – боль встречи со смертью: сначала со смертью отца, когда ей было пять лет, а потом и с самым страшным – со своей смертью.

В одной из записных книжек 1970-х Зонтаг писала о «навязчивой теме фиктивной смерти» в своих романах, пьесах и кинокартинах. «Я предполагаю, что причиной этого является моя собственная реакция на папину смерть, – писала она. – Все казалось ненастоящим, у меня не было никаких доказательств того, что он мертв, и в течение многих лет я мечтала о том, что он позвонит в дверь»¹⁹. Отметив это, она снисходительно продолжает: «Давай оставим эту тему». Как бы то ни было, от сложившихся в детстве привычек очень трудно избавиться, даже если хорошо понимать их причины.

---

¹⁵ Ibid., 246.

¹⁶ Sontag, *The Benefactor: A Novel* (New York: Farrar, Straus, 1963), 1, 70.

¹⁷ Зонтаг. «Против интерпретации и другие эссе», совместная издательская программа Музея современного искусства «Гараж» и издательства Ad Marginem, 2014 г.

¹⁸ «The World as India», in Sontag, *At the Same Time: Essays and Speeches*, eds. Paolo Dilonardo and Anne Jump (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007).

¹⁹ Susan Sontag Papers (Collection 612). UCLA Library Special Collections, Charles E. Young Research Library, UCLA.

Когда Зонтаг была ребенком, она пряталась от ужасов окружавшего ее мира, уходя в себя. Всю оставшуюся жизнь она пыталась выйти из этого погружения в себя, чтобы вернуться в реальность. С борьбой ума и тела сталкивались многие, но в жизни Зонтаг это противоречие было предельно острым. «Голова отдельно от тела», – пишет она в своем дневнике. Она считала, что если ее тело не в состоянии танцевать или заниматься любовью, то она по крайней мере может продолжать думать и поддерживать разговор. У Зонтаг не существовало полумер – она могла быть «ничтожеством» или «великой». Третьего не было дано. С одной стороны, «беспомощное (Да кто я, черт подери, такая... Помогите мне, будьте ко мне снисходительнее...) чувство, что я фальшивка». С другой – «высокомерная нетерпимость» (презрение к окружающим по причине их интеллектуальной несостоятельности).

Со свойственным ей трудолюбием Зонтаг пыталась решить это противоречие. В ее сексуальной жизни было что-то схожее с титанической борьбой, когда она пыталась выбраться из чертогов разума, чтобы ощутить свое тело. У каких еще американских женщин ее поколения было так много красивых и успешных любовников обоих полов? Однако, читая ее дневники, разговаривая с бывшими любовниками и любовницами, можно подумать, что сексуальность Зонтаг была подавлена, свое собственное тело она воспринимала как что-то ненастоящее или вовсе как очаг боли. «Мне всегда нравилось делать вид, что моего тела не существует, – писала она в дневнике. – И я делаю все это (катаюсь на лошадях, занимаюсь сексом и т. д.) без него»²⁰.

Желание не замечать своего тела помогало Зонтаг отрицать еще одну неизбежную реальность, а именно сексуальные наклонности, которых она стыдилась. У нее было несколько любовников-мужчин, но подавляющее большинство сексуальных связей Сьюзен было с женщинами. Всю жизнь она не находила сил признать наклонности, которые считала нежелательными, и потому не могла говорить о них честно ни публично (до тех пор, пока ее связи не стали предметом скандалов), ни даже в кругу близких. Поэтому главной темой ее работ, посвященных любви и сексу, был садомазохизм. Отрицать реальность тела для Зонтаг значило и отрицать реальность смерти с таким упорством, которое сделало ее собственную кончину кошмаром.

Она верила – в буквальном смысле верила – в то, что ум в конечном счете способен победить смерть.

Как писал ее сын, Зонтаг сожалела, что им обоим «скорее всего, придется совсем немного не дожить до появления химического бессмертия»²¹. По мере того как она старела и ей раз за разом удавалось избежать трудностей, Зонтаг начала надеяться, что правила, которые устанавливает тело, на нее не распространяются.

Делать вид, что тела не существует, могут лишь те, кто обладает размытым чувством самосознания, а напоминание самой себе о том, что «существуют другие, отличные от нас люди», свидетельствует о неуверенности в том, что существует она сама, что ее собственное тело принадлежит ей самой и его никто не отнимет. Она в отчаянии писала: «Словно ни в одном зеркале, в которое я смотрюсь, нет отражения моего тела»²².

«Цель современного искусства, – отмечала Зонтаг в эссе, появившемся приблизительно в то же время, что и роман «Благодетель», – сводится к тому, что должны существовать произведения искусства – и, по аналогии, наш собственный опыт, более, а не менее для нас реальный».

В известном эссе «Против интерпретации» Зонтаг выступила против преувеличения значения метафоры, мешающего нашему восприятию искусства. Она не только с недоверием высказывается о попытке рационально осмыслить искусство, уму («интерпретации»), но и скептически относится к телу («содержанию»), которое становится смазанным из-за чрезмер-

---

²⁰ Sontag Papers, August 13, [1960].

²¹ David Rieff, *Swimming in a Sea of Death: A Son's Memoir* (New York: Simon & Schuster, 2008), 62.

²² Sontag Papers, December 12, 1957.

ной активности разума. Эссе начинается с цитаты Виллема де Кунинга: «Оно совсем крохотное... совсем крохотное – содержание». К концу работы даже само понятие содержания кажется читателю почти смешным. Точно так же, как и в случае снов Ипполита, читатель остается без руля и без ветрил. По определению Зонтаг, нигилизм – это и есть суть кэмп.

Здесь Зонтаг высказывает опасения, что искусство «и, по аналогии, наш собственный опыт» не являются окончательно реальными, и пишет о том, что искусству, как и нам самим, требуется посторонняя помощь для того, чтобы стать реальными. «Сейчас важно вернуться в чувства. Мы должны научиться больше видеть, больше слышать, больше чувствовать». Словно говоря об онемевшем теле, стремящемся встряхнуться и получить заряд стимуляции, Зонтаг высказывает предположение о том, что искусство может оказаться именно такой встряской. Однако что это за искусство, если в нем нет «содержания»? Что в этом случае предполагается видеть, слышать или чувствовать? Возможно, пишет она, только его форму, хотя не без грусти добавляет, что различия между формой и содержанием являются «в конечном счете иллюзией».

Зонтаг посвятила настолько огромную часть своей жизни «интерпретации», что крайне сложно с уверенностью утверждать, насколько она верила в то, что говорила.

Действительно ли мир – это сцена, а жизнь – сон? Неужели не существует различия между формой и содержанием, умом и телом, человеком и его фотографией, болезнью и ее метафорой?

Склонность Зонтаг к импульсивной и броской риторике способствовала высказываниям, которые порой упрощали трудность вопроса о «нереальности и отдаленности реального»²³. Однако напряжение, возникающее на стыке этих диаметрально противоположных понятий, дало ей почву для размышлений, которые подвигли ее на написание важнейших работ. Представление о том, что «кэмп перекрывает содержание», было идеей, которую она одновременно поддерживала и отрицала²⁴. «Меня привлекает кэмп, – писала она, – но точно так же и отталкивает». На протяжении четырех десятилетий после выхода в свет романа «Благодетель» и эссе «Против интерпретации» она разрывалась между двумя противоположными точками зрения. Она постоянно колебалась между миром снов и тем, что она могла назвать реальностью.

Одной из сильных сторон Сьюзен Зонтаг было умение сказать о себе все, что могли о ней сказать другие, лучше и быстрее остальных.

Читая ее дневники, понимаешь, что она очень точно понимала саму себя и свой характер, которые создавали стержень ее непоследовательного течения жизни (впрочем, с возрастом Сьюзен потеряла эту рефлексивную чуткость). «Такое ощущение, что ее голова отделена от тела», – писал о ней друг в 1960-х годах, на что Зонтаг отвечала: «Такова история моей жизни»²⁵. Она решила изменить себя и стать лучше: «Меня интересуют только те люди, которые увлечены самопреобразованием»²⁶.

Это давалось ей непросто, но она не жалела сил на то, чтобы покинуть мир грез и снов. Она исключала из своей жизни все, что затуманивало ее восприятие реальности. Если ей начинали мешать метафоры и другие средства языка, она, как Платон, изгнавший поэтов из своей утопии, прогоняла их из своих текстов. В своих книгах, написанных в более зрелом возрасте – «О фотографии», «Болезнь как метафора», «СПИД и его метафоры» и «Смотрим на чужие страдания», – она все дальше и дальше отходила от ранних работ, написанных с позиций

---

²³ Зонтаг. «О фотографии».

²⁴ «Заметки о кэмп», в сборнике «Против интерпретации и другие эссе».

²⁵ Sontag Papers, December 9, 1961.

²⁶ Sontag Papers, April 11, 1971.

эстетики кэмп. Она уже не настаивала на том, что сон является единственно реальным, а задавалась вопросом, как воспринимать даже самые мрачные проявления действительности – болезни, войны и смерть.

Ее стремление к реальному доходило до опасных крайностей. Когда в 1990-х, желая «больше видеть, больше слышать, больше чувствовать», Сьюзен приехала в блокадный Сараево, она очень удивилась тому, что другие писатели не пожелали отправиться в путешествие, которое, по ее словам, было «немного похоже на посещение варшавского гетто в конце 1942-го»²⁷.

Сараевским боснийцам было приятно, что она уделила им внимание, но при этом они не могли понять, почему сторонний человек хочет разделить их страдания. «Зачем она это сделала? – задавался вопросом один актер спустя двадцать лет после этих событий во время другой трагической ситуации. – Ну как я сейчас поеду в Сирию? Что должно быть в моей душе для того, чтобы приехать в Сирию и разделить их боль?»²⁸

Зонтаг уже не заставляла себя смотреть реальности в лицо. Она не просто обличала расизм, ужасы которого она осознала, глядя на фотографии заключенных нацистских концентрационных лагерей. Она приехала в Сараево для того, чтобы доказать, что искусство стоит того, чтобы за него умереть. Вера в искусство помогла ей пережить трудное детство, книги, кино и музыка дали ей представление о существовании более красочного и разностороннего мира. Именно благодаря преданности искусству и вере в его значимость Зонтаг стала известна как воительница, которая, словно плотина, в одиночку сдерживает беспощадный поток эстетической и моральной грязи.

Точно так же, как и все остальные метафоры, приведенная выше не является идеальной. Многие из тех, кто лично знакомился с Зонтаг, были разочарованы, потому как миф о ней был очень далек от настоящей Сьюзен. Разочарование в Зонтаг не только является одним из лейтмотивов многих воспоминаний о ней, но и встречается в ее личных записях. Однако миф о Зонтаг (возможно, самое «долгоиграющее» детище Сьюзен) во всем мире вдохновлял людей, считавших, что принципы, которые она так страстно отстаивала, помогали оторваться от самых скучных и горьких жизненных истин. К тому времени, когда она появилась в Сараеве, выражение *Je rêve donc je suis* не было броской декадентской фразой. Скорее это было признание того, что правда образов и символов – правда снов – это правда искусства. Искусство невозможно отделить от жизни – оно есть ее высшее проявление. Эта метафора точно так же, как и драма о геноциде армян, в создании которой участвовала мать Зонтаг, помогала взглянуть на действительность тем, кто с трудом мог увидеть ее сам.

К концу своей жизни Зонтаг привнесла метафоры в Сараево. Она привезла образ Сьюзен Зонтаг, ставший символом искусства и цивилизации. Она привезла героев Сэмюэля Беккета, ждавших, как и боснийцы, спасения, которое никак не появлялось. Жителям блокадного города были нужны не только еда, отопление и поддержка с воздуха, но и то, что давала им Сьюзен Зонтаг. Многие иностранцы сочли постановку спектакля в зоне военных действий легковесным решением. На это обвинение одна из боснийских подруг Сьюзен (одна из многих, кто любил ее) ответила утверждением, что Зонтаг помнят в Сараево именно потому, что ее вклад в жизнь города был таким сложноопределимым и скрытым. «В человеческих чувствах нет четких правил. Мы нуждались в ней, – говорила она по поводу постановки Зонтаг «В ожидании Годо». – Это произведение построено на метафорах»²⁹.

---

²⁷ Sontag to Peter Schneider, June 18, 1993, Sontag Papers.

²⁸ Интервью автора с Адмирором Гламочак.

²⁹ Интервью автора с Сенадой Кресо.

Часть I

Глава 1. Королева отрицания

До самой своей смерти Сьюзен Зонтаг держала дома два коротких фильма, которые были изготовлены по такой древней технологии, что она никак не могла их посмотреть. Зонтаг берегла эти катушки с киноплёнкой потому, что на них были запечатлены ее молодые родители во времена, когда им казалось, что вся их полная приключений жизнь только начинается³⁰.

На одной бобине были дрожащие, снятые с руки кадры Пекина, столицы Китая: киоски, магазины, рикши, верблюды, трамваи и велосипеды. Потом на очень короткое время в кадре появляется группа белых, стоящих на противоположной стороне ограды из колючей проволоки, из-за которой снимает оператор. По другую сторону проволоки стоят любопытствующие китайцы. Потом буквально на пару секунд появляется Милдред Розенблатт, настолько похожая на свою дочь, что совершенно неудивительно, что позднее многие принимали ее за старшую сестру Сьюзен. Ее красавец-муж Джек мелькает в кадре всего пару секунд. Правда, он настолько плохо освещен, что виден только силуэт стоящего среди китайцев высокого белого мужчины в западной одежде.

Этот фильм сняли приблизительно в 1926-м, когда Милдред было двадцать лет. Сюжет на следующей бобине – 1931 года. Поезд, рассекающий просторы Европы, верхняя палуба корабля, где Джек, Милдред и еще одна пара со смехом перебрасывают через сетку кольцо. На Милдред белое летнее платье и берет, и она широко улыбается человеку, держащему камеру. Потом они начинают играть в шаффлборд, и где-то уже к середине ролика появляется высокий и худой Джек в белой «тройке» и берете. Он начинает играть с другим мужчиной, потом друзья принимаются корчить рожи и валять дурака вокруг облокотившейся о косяк двери Милдред, та же чуть не помирает от смеха. Общая продолжительность кинолент составляет менее шести минут.

Милдред Якобсон родилась в Ньюарке 25 марта 1906 года. Ее родители Сара Леа и Чарльз Якобсон были родом из Польши, входившей тогда в состав Российской империи. В Штаты они попали, будучи детьми: Сару Леа привезли в 1894-м, в возрасте семи лет, а Чарльза, в возрасте девяти лет, годом ранее. В отличие от большинства евреев-иммигрантов тех времен, родители Милдред говорили по-английски без акцента. Занятно, что их внучка, самая европеизированная американская писательница своего поколения, была, пожалуй, единственной крупной писательницей еврейского происхождения, у которой не было прямой связи с Европой и опыта иммигрантской жизни, во многом определивших творчество ее коллег-авторов.

Несмотря на то что Милдред родилась в Нью-Джерси, выросла она на другом побережье, в Калифорнии. Семья Якобсон поселилась в еврейском районе Бойл-Хайтс к востоку от центра Лос-Анджелеса. В это время город только начинал превращаться в мегаполис. Первую картину в Голливуде сняли в 1911-м, приблизительно в то время, когда семья переехала в Лос-Анджелес. Восемь лет спустя, когда Милдред и Сара Леа снимались в массовке картины «Аукцион душ», Лос-Анджелес уже превратился в центр киноиндустрии. Вместе с кинозвездами в город пришли гангстеры. Милдред часто рассказывала о том, что ходила в школу с неизвестным Микки Коэном, одним из состоятельнейших еврейских гангстеров Америки времен

---

³⁰ После ее смерти фильм оцифровали. По каталогу эти кадры сняты на борту корабля Paris, направлявшегося в Пекин, год 1926-й, хотя, скорее всего, кадры были сняты в 1931-м, когда пара плыла из Гавра в Нью-Йорк. (See U.S. Customs records, listed in note: 15.) The sign on the train reads: Stolpce-Warszawa-Poznan-[Zbąszyń?]-Berlin-Hannover-Köln-Liege-Paris.

сухого закона³¹. Голливуд стал символом гламура, и любопытно, что позднее Милдред часто производила впечатление тщеславной и «продвинутой» голливудской красотки. Сама Сьюзен однажды сравнила свою мать с Джоан Кроуфорд, впрочем, некоторые действительно сравнивали Зонтаг именно с этой актрисой³².

«Она всегда была при макияже», – вспоминает Пол Браун, знавший Милдред, когда та жила в Гонолулу. Милдред провела на Гавайях последние годы жизни и сильно выделялась среди хиппи и серферов. «Волосы у нее были всегда уложены. Всегда. Она была настоящей нью-йоркской еврейской принцессой, слишком худой и неизменно упакованной в Chanel». Милдред до самой смерти сохранила голливудскую манерность. Она отвечала на телефонные звонки низким «Дааааа?» и запрещала своим дочерям подходить к себе через лежащий на полу гостиной ковер, если только она их сама не позвала жестом руки с прекрасным, безукоризненным маникюром³³. «К окружающим Милдред относилась по-королевски свысока, – вспоминал Пол Браун, понимавший, что совладание с окружающим миром дается этой женщине непросто. – Как человек, который не знает, как найти выключатель света»³⁴.

Когда красавица Милдред отплывала в Китай, казалось, что ее ждет ослепительный успех. Она направилась туда вместе с Джеком Розенблаттом, с которым познакомилась, когда работала няней в большом пансионате Grassinger's, расположенном в хребте Катскилл в Северных Аппалачах, в местах, которые в простонародье называли еврейскими Альпами. Для Милдред как представительницы среднего класса это была всего лишь работа на лето, а вот для Джека пансионат оказался большим карьерным шагом.

Джек родился в семье бедных иммигрантов Самюэля и Гусси, которые проживали на Манхэттене в районе Нижнего Ист-Сайда (в одной из самых злочных трущоб на территории США начала XX столетия). Его родители родились в Кшивче, что тогда входила в состав Австро-Венгерской империи. Семья Розенблатт была гораздо беднее «городских жителей и представителей среднего класса» Якобсонов, которые «не были похожи на большинство евреев-иммигрантов первого поколения», как говорила Зонтаг в одном из интервью³⁵. В личных беседах она называла родителей своего отца людьми «ужасно грубыми»³⁶.

Вполне возможно, именно из-за того что Самюэль и Гусси были малообразованны, их внучка смотрела на родственников свысока. Джек родился в Нью-Йорке 1 февраля 1905 года. Он закончил всего четыре класса, в возрасте десяти лет бросил школу и начал работать курьером в компании, торговавшей мехами на Вест-Сайде (Манхэттен). Вскоре трудолюбие и ответственность мальчика заметили. У него была удивительная фотографическая память, которую Сьюзен унаследовала от отца³⁷. К шестнадцати годам Джека повысили и отправили в Китай, он выдержал путешествие на верблюде по пустыне Гоби, занимался там закупкой мехов у монгольских кочевников³⁸ и через некоторое время открыл свой собственный бизнес Kung Chen Fur Corporation с офисами в Нью-Йорке и Тяньцзине. Джек и Милдред были женаты восемь лет. За это время Джек построил успешный бизнес, несколько раз был в Китае, вместе с женой они были на Кубе, Гавайях, Бермудах, путешествовали по Европе, по крайней мере три раза переезжали и обзавелись двумя детьми.

---

³¹ Интервью автора с Джудит Коэн.

³² Sontag Papers, “week of Feb. 12, 1962”.

³³ Интервью автора с Джудит Коэн.

³⁴ Интервью автора с Полом Брауном.

³⁵ *Nora Ephron*, “Not Even a Critic Can Choose Her Audience”. *New York Post*, September 23, 1967.

³⁶ Sontag Papers.

³⁷ Интервью автора с Джудит Коэн.

³⁸ Sontag Papers.

Когда 16 января 1933 года родилась Сьюзен Ли Розенблатт, ее родители жили в новом здании на 86-й улице в Ист-Сайде.

Летом того же года семья переехала в Хантингтон на Лонг-Айленде.

В 1936-м, когда родилась Джуди, семья жила под городом в Грейт-Нек. Этот город стал прототипом описанного в романе «Великий Гэтсби» Вест-Эгга. Родившийся в трущобах Джек Розенблатт добился успеха в жизни и переехал в богатый район. Социальный статус Грейт-Нека был так же далек от Ист-Сайда, как и от Китая. И всего этого Джек Розенблатт достиг к возрасту двадцати пяти лет.

Такого быстрого успеха мог добиться только целеустремленный человек, и Джек знал, что ему надо торопиться. В возрасте 18 лет у него случился первый приступ туберкулеза. Позднее Сьюзен писала о том, что эта болезнь «происходит от чрезмерной страсти, которая обрушивается на людей безрассудных и чувственных»³⁹. Как бы там ни было, туберкулез постепенно «заполнял» легкие Джека, что и привело к его кончине.

Со стороны казалось, что мужчина, которого Милдред встретила в Grossinger's, был сильным. Атлетического сложения богач с большими карьерными и финансовыми перспективами. В пансионат Джек попал по настоянию матери, которая знала о болезни сына и отправила его туда в надежде на живительную силу чистого воздуха⁴⁰. Милдред подозревала, что ее супружеская жизнь может оказаться короткой. Возможно, надеялась на то, что бактерии туберкулеза перестанут развиваться и Джек не заболеет (в то время еще не существовало эффективного средства борьбы с туберкулезом: пенициллин открыли в 1928 году, а широко использовать начали только после Второй мировой войны). Однако Милдред была страстно влюблена в Джека. В 1930 году они поженились и отправились в Китай, где поселились в Тяньцзине.

Тяньцзинь – крупный порт, расположенный недалеко от Пекина. Он являлся одним из тех открытых для иностранцев портов, которые были навязаны Китаю после поражения в Опиумных войнах. В этих портах китайские власти не имели юрисдикции над иностранными гражданами. Сьюзен писала, что у белых там были свои виллы, отели, закрытые клубы, поля для игры в поло, церкви и больницы, находившиеся под охраной военного гарнизона. Для местного населения это были «запрещенные для доступа места, окруженные колючей проволокой. Все проживавшие в этих районах должны были показывать паспорт при входе, а китайцы могли попасть внутрь только в качестве прислуги»⁴¹.

Милдред часто вспоминала, что в Китае у нее была прислуга. Ни гражданская война, ни японская интервенция никак не отразились на жизни четы Розенблатт – она была прекрасной. «Ей очень нравился этот стиль жизни, – вспоминал Пол Браун. – Прислуга. Повар и лакеи, подававшие на стол. Беззаботная жизнь, красивые вещи и одежда, вечеринки в посольствах»⁴². До конца жизни Милдред дарила друзьям китайские безделушки. «У нее были замечательные вещи, – вспоминает Браун. – Чудесные китайские штучки, сделанные маленькими руками китайцев». Однако далеко не все разделяли теплые воспоминания Милдред. «Еще ребенком, – писала Джуди, – я испытывала отвращение от ее историй о том, сколько людей в Китае прислуживало ей»⁴³.

Сложно точно сказать, как долго супруги Розенблатт прожили в Поднебесной. Вряд ли они жили там постоянно. Таможенные записи свидетельствуют о том, что супруги возвраша-

---

³⁹ *Зонтаг*. «Болезнь как метафора», Ад Маргинем Пресс, Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS Foundation, 2016.

⁴⁰ Интервью автора с Джудит Коэн.

⁴¹ Sontag Papers, early 1970s.

⁴² Интервью автора с Полом Брауном.

⁴³ Judith Cohen to Sontag, late 1970s, Sontag Papers.

лись из-за границы в Нью-Йорк практически каждый год. Иногда они прибывали с островов, на которых, судя по всему, проводили отпуск⁴⁴. Поездка в Китай была такой долгой, что ездить туда даже раз в год было весьма затруднительно (когда в 1924 году Джек вернулся в Штаты, путешествие из Шанхая в Сиэтл заняло 16 дней, а вся поездка от двери до двери – почти месяц). Кроме прочего, это еще и физически изматывающее путешествие даже для совершенно здоровых людей, а тем более для Джека с больными легкими и Милдред, которая, по ее словам, два раза совершила его беременной.

Так или иначе, Поднебесная оставила неизгладимый след в памяти Милдред. Дом в Грейт-Неке, в котором Сьюзен жила после рождения, был забит китайскими безделушками. «В Китае колониалисты предпочитали китайскую культуру, – писала она, – и их дома превратились в небольшие музеи китайского искусства»⁴⁵. Впоследствии эти «музейные экспонаты» переместились в интерьеры домов, в которых жила Милдред.

«Китай всегда присутствовал в нашем доме, – писала Джуди. – это был мамин способ принизить настоящее и напомнить о ее «блистательном» прошлом»⁴⁶.

Бурная энергия Джека проявлялась не только в бизнесе, но и в его любовных похождениях. Сьюзен вспоминала о том, что у ее отца была любовница⁴⁷, да и Джуди описывала его как «плейбоя»⁴⁸. Вполне возможно, Джек понимал, что ему не много отмерено, и так же, как и его дочь Сьюзен, хотел получить от жизни по максимуму. Знала ли о похождениях мужа Милдред? Сложно представить, что ее дочери узнали о любовных интригах отца от кого угодно, кроме собственной матери. Противилась ли Милдред тому, что у ее мужа была любовница? Как показывает вся ее дальнейшая жизнь, мать Сьюзен не особенно сильно интересовалась сексом. Как и многие другие люди, потерявшие в детстве родителей, Милдред хотела, чтобы о ней заботились, именно поэтому одним из самых ее ярких воспоминаний была китайская прислуга. Да и Джек Розенблатт старался ухаживать за своей женой.

Саму же Милдред не интересовала забота о близких. Вместе с китайским интерьером квартиры она вывезла из страны представление о том, что детей надо держать на расстоянии. «В Китае дети ничего не ломают, – часто повторяла она. – И много не болтают»⁴⁹. Не вдаваясь в вопросы китайского воспитания, можно утверждать, что Милдред категорически не хотела

---

⁴⁴ На сайте Ancestry.com есть следующая раскладка путешествий супругов. Свидетельств путешествий Милдред в Азию и из Азии нет, единственный документ, подтверждающий ее прибытие из Европы, датируется 1931 г. Джек Розенблатт подал на свой первый паспорт 17.11.1923, заявив, что планирует отбыть в Китай через Ванкувер на борту Empress of Asia 29.11.1923. Свою профессию он обозначил как «торговец пушниной» и работодателем назвал Julius Klugman's Sons, Inc., по адресу: 42 West Thirty-Eighth Street, New York City. Он подал на продление паспорта в Тяньцзине в качестве представителя Mei Hwa Fur Trading Corporation. На документе не стоит дата его подачи. Он отбыл из Шанхая 19.05.1924, прибыл в Сиэтл 04.06.1924 на корабле President Madison. Проживал по адресу: 950 Noe Avenue, New York. Отплыл из Йокोगамы в Манилу и далее в Ванкувер на борту SS Empress 09.07.1927. Проживал по адресу: 330 Wadsworth Avenue, New York. Отплыл из Кобе в Сиэтл 17.07.1928 на борту President McKinley, прибыл 30.07.1928. Проживал: Continental Fur Corporation, 251 West Thirtieth Street, New York. Джек и Милдред отплыли из Гавра 03.06.1931 на борту Paris, прибыли в Нью-Йорк 09.06.1931. Адрес проживания: 251 West Thirtieth Street. Джек уплыл в Шанхай на борту President Coolidge 14.10.1933, прибыл в Гонолулу 24.10.1933. Адрес проживания: 251 West Thirtieth Street. Он встретился с Милдред в Гонолулу. Она отплыла в Лос-Анджелес 18.10.1933 на борту Monterey и прибыла в Гонолулу 23.10.1933. Вместе они отплыли 04.11.1933 на борту Lurline и были в Сан-Франциско 09.11.1933. Отплыли из Гамильтона, Бермуды, 14.02.1934, прибыли в Нью-Йорк 15.10. на борту Monarch of Bermuda. В качестве адреса оставили адрес компании: 251 West Thirtieth Street. Джуди родилась в штате Нью-Йорк 20.06.1936. Они отплыли в Гавану 03.01.1937 на борту Oriente, прибыли в Нью-Йорк 05.01.1937. Адрес проживания: 21 Wensley Drive, Great Neck, Long Island. 11.03.1938 они снова отплыли в Гавану на борту California, прибыли в Нью-Йорк 14.03.1938. Джек умер в Тяньцзине 19.10.1938. Информации о возвращении Милдред в США нет.

⁴⁵ "China" screenplay, Sontag Papers.

⁴⁶ Judith Cohen to Sontag, late 1970s, Sontag Papers.

⁴⁷ Sontag, I, etcetera, 18.

⁴⁸ Интервью автора с Джудит Коэн.

⁴⁹ "China" screenplay, Sontag Papers; ibid.

променять свой стиль жизни на заботу о дочерях. «Наша мать, – писала Джуди, – не знала, как быть матерью»⁵⁰.

Когда Милдред становилось неспособно от воспитания и забот о дочерях, она просто уезжала. По словам Джуди, «появились слухи, согласно которым, пока родители были в отъезде, девочками занимались родственники». Хотя у «родственников своих проблем было достаточно». Поэтому с самого раннего возраста сестер оставляли на Лонг-Айленде с няней Роуз Мак-Налти – «веснушчатой слонихой» немецко-ирландских кровей – и чернокожей кухаркой Нелли. Можно сказать, что эти женщины и вырастили Сьюзен и Джуди. Но любому ребенку нужна мать, и, несмотря на то что Сьюзен редко говорила о своей матери, в ее дневниках мы видим, что она много и с восхищением о ней писала.

Когда Сьюзен была ребенком, мама казалась девочке романтической героиней. «Я копировала поведение, описанное в романе «Маленький лорд Фаунтлерой», который прочла, когда мне было восемь или девять лет. Например, я обращалась к ней словом «дорогая»⁵¹. Ее письма к матери больше похожи на послания, написанные заботливым мужем или родителем, а не молодой дочерью. «Дорогая, – писала Сьюзен, когда ей было 23 года, – прости, что коротко, потому что сейчас поздно (три утра) + мои глаза немного слезятся. Будь здорова + веди себя аккуратно и внимательно + и все такое. Я тебя обожаю + очень скучаю»⁵².

«Она совершенно очевидно была влюблена в свою мать, – говорила первая любовница Сьюзен Харриет Сомерс, которая приблизительно в те годы познакомилась с Милдред. – Она всегда рассказывала о том, какая ее мать жестокая, эгоистичная и тщеславная, но преподносила это тоном любовника, говорящего о предмете своей страсти»⁵³.

Милдред была настолько тщеславной и уделяла так много внимания косметике и одежде, что это повлияло и на ее дочерей. Она так упорно старалась приукрасить неприглядную действительность, что Джуди называла свою мать «королевой отрицания»⁵⁴. Сьюзен часто расстраивало нежелание матери говорить на неприятные темы. Она из года в год звонила ей, поздравляя с днем рождения, и однажды, после одного из таких разговоров, записала отрывок из их диалога:

М. (по поводу недавней биопсии прямой кишки, результат отрицательный)

Я: Почему ты мне об этом не рассказала?

М.: Ты же знаешь, что я не люблю подробности»⁵⁵.

О своем решении снова выйти замуж Милдред сообщила дочерям только постфактум. Она не сказала Сьюзен, когда умер ее дедушка, проронив: «Не думаю, что ему бы понравилось, что он станет прадедушкой»⁵⁶ (Сьюзен была беременна). Она не сказала Сьюзен, когда умер ее отец, а когда «открылась», то соврала – неправильно сообщила причину смерти и место захоронения (лишь спустя много лет, когда Зонтаг пыталась найти могилу отца, она поняла, что мать ее обманула).

Еще один пример того, что Милдред «не заикливалась на подробностях», описан в мемуарах молодой Зонтаг. Она сохранила канву повествования и лишь изменила имена.

---

⁵⁰ Интервью автора с Джудит Коэн.

⁵¹ Sontag Papers, August 10, 1967.

⁵² Sontag to Mildred Sontag, July 4, 1956, Sontag Papers.

⁵³ Интервью автора с Харриет Сомерс Цверлинг.

⁵⁴ Интервью автора с Джудит Коэн.

⁵⁵ Sontag Papers, March 25, 1986.

⁵⁶ Sontag Papers, March 25, 1987.

«Однажды, когда Рут было три года, в доме собрались гости, которые веселились еще большие обычного, и муж вел себя просто идеально, миссис Натансон почувствовала схватки. Она выпила еще один бокал. Через час вошла на кухню и попросила Мери, помогавшую обслуживать гостей, отцепить крючки на дорогом платье роженицы, которое было на ней надето. Потом в гостиной, на фоне смеха и звуков разбивающегося стекла, послышался стон упавшей на колени миссис Натансон.

Она не хотела никого утруждать.

Джоан родилась через два часа».

По мнению Милдред, она не врала, а всего лишь упускала некоторые детали, чтобы с присущей ей тактичностью не тревожить окружающих. Милдред считала, что таким образом проявляет заботу, и рассчитывала на то, что окружающие точно так же будут себя вести по отношению к ней. «Говорите мне неправду, я слаба» – Сьюзен казалось, что именно так и говорит ее мать. Милдред действительно утверждала, что она слишком хрупка для того, чтобы знать правду, и считала, что «честность – это жесткость». Однажды, когда Сьюзен критиковала Джуди за то, что та слишком прямо пыталась что-то объяснить матери, Милдред ее поддержала словами: «Совершенно верно»⁵⁷.

«Сьюзен потратила уйму времени на то, чтобы понять мать»⁵⁸, – считала Джуди.

Сьюзен признавала то, что верхоглядство и легкомысленность Милдред оказали влияние на ее характер: «Я выросла с М. и с ее заикленностью на внешнем, поэтому с раннего возраста стала исследовать внутреннюю жизнь»⁵⁹. Однако Зонтаг не понимала, как у ее матери сложилось такое отношение к жизни и почему та превратилась в «королеву отрицания».

Если проследить события в жизни молодой Милдред, то можно констатировать, что на ее долю выпало так много потрясений, которые могли бы изменить жизнь человека более сильного, чем она. Милдред было всего 14 лет, когда Сара Леа умерла от отравления трупным ядом. На протяжении всей последующей жизни Милдред крайне редко вспоминала свою мать в присутствии дочерей, однако те подозревали, что она пережила тяжелую психологическую травму. Джуди рассказывала, как однажды поехала с Милдред в Бойл-Хайтс, чтобы посмотреть на «чудесный маленький домик», в котором мама жила до смерти Сары Леа. Милдред рыдалась, увидев, в каком плачевном состоянии находились дом и окрестности.

Сьюзен писала, как ее мать во времена Сталина ехала из Китая через СССР. Милдред хотела выйти из вагона на станции, рядом с которой родилась ее мать, но в 1930-е годы вагоны с иностранцами были опечатаны.

«Поезд стоял на станции несколько часов.

Старухи, продававшие кислый квас, стучали в заиндевевшее окно.

М. плакала.

Она хотела почувствовать под ногами землю родины своей матери.

Но ей этого не разрешили. (Ее предупредили, что арестуют, если она еще раз попросит хотя бы на минуту выпустить ее на перрон.)

Она рыдала.

Она не сказала мне, что плакала, но я знаю, что именно так все и было. Я же ее чувствую»⁶⁰.

---

⁵⁷ Sontag Papers, January 11, 1960.

⁵⁸ Интервью автора с Джудит Коэн.

⁵⁹ Sontag Papers, n.d.

⁶⁰ “Project for a Trip to China”, in Sontag, I, etcetera, 23.

Тогда у Милдред были и совсем другие причины для расстройства. 19 октября 1938 года в американско-немецкой больнице в Тяньцзине Джек Розенблатт скончался от заболевания, которое дамочным мечом висело над ним половину его жизни. Как и Саре Леа, ему было тридцать три года.

Вместо того чтобы отправиться в Штаты на корабле, Милдред решила поехать сложным окольным путем. В поезд погрузили китайскую мебель. Состав пересек Маньчжурию, в которой японцы установили марионеточное правительство и с территории которой вели наступление на Китай, проехал по Транссибирской магистрали, а потом через всю Европу, где Милдред и села на паром до Нью-Йорка. Именно в этом путешествии она в первый и последний раз посетила родину матери.

«Все это дерьмо она привезла сюда», – говорила Джуди. В багаже был прах Джека Розенблатта, который захоронили в Куинсе. Вернувшись в Нью-Йорк, Милдред находилась в состоянии полной потерянности.

«Я пыталась скрывать свои чувства, – призналась она после расспросов Сьюзен. – Так меня воспитывал отец. Он не рассказал мне о смерти тети Анны»⁶¹. Сьюзен и Джуди не разрешили присутствовать на похоронах праха Джека, о смерти отца Милдред сообщила девочкам лишь через несколько месяцев. После того как Милдред рассказала первокласснице Сьюзен о смерти отца, она спокойно отправила ребенка играть⁶².

В эссе «Болезнь как метафора», в которой Зонтаг рассматривает ложь, связанную со смертельным заболеванием, она цитирует Кафку: «При одном упоминании о туберкулезе... глаза у собеседников стекленеют, и все начинают изъясняться туманно и уклончиво»⁶³. Люди стыдились этого заболевания (точно так же, как рака и позднее СПИДа), поэтому Милдред сообщила Сьюзен, что ее отец умер от пневмонии⁶⁴. Дочери росли, но Милдред не торопилась сообщать им «подробности» и делала все возможное, чтобы они забыли о своем отце. В результате Сьюзен практически ничего о нем не знала. «Я не знала, как выглядит его почерк, – писала она через 30 лет после его смерти. – Я даже никогда не видела его подписи»⁶⁵. В 1970-х годах перед поездкой в Китай Зонтаг сделала некоторые заметки об отце, в которых эта скрупулезная по отношению к фактам женщина почти на год ошиблась в дате рождения родителя⁶⁶.

Джек умер, когда Милдред было 32 года. Молодая вдова была вынуждена вернуться к жизни типичной американской представительницы среднего класса, к жизни, которой она всеми силами старалась избежать. Впрочем, она никогда не жаловалась. Вместо этого Милдред на протяжении полувекла демонстрировала миру милое личико, выходила из комнаты, когда разговор заходил на щекотливые и неприятные темы, и втайне глушила боль утраты водкой и таблетками. В такой ситуации становится совершенно понятным, что время, проведенное в Китае, не выходило из памяти и казалось величайшим приключением всей ее жизни. Влияние Китая сказало не только на Милдред, но и на Сьюзен. Позднее Зонтаг ассоциировали с культурой Франции, но в детские годы Сьюзен мечтала о Китае – «стране нефрита, тика, бамбука и жареных собак»⁶⁷. Китай стал символом возможного начала другой жизни: «Означает ли поездка в Китай возможность заново родиться?»⁶⁸ Китай будоражил воображение сестер.

---

⁶¹ Sontag Papers, n.d. Среди тысяч страниц архива Зонтаг только эти две работы написаны с упоминанием Милдред.

⁶² “Project for a Trip to China”, in Sontag, I, etcetera, 24.

⁶³ Sontag, *Illness*, 7.

⁶⁴ Suzie Mackenzie, “Finding Fact from Fiction”, *Guardian*, May 27, 2000.

⁶⁵ “Project for a Trip to China”, in Sontag, I, etcetera, 17.

⁶⁶ Sontag Papers, n.d. Он родился четвертым из пяти детей в семье бедных иммигрантов в нижней части Ист-Сайда, Нью-Йорк, 6 марта 1906 г.

⁶⁷ “Project for a Trip to China”, in Sontag, I, etcetera, 5.

И несмотря на то что девочки родились на Манхэттене, они ввали, стараясь удивить своих одноклассников. «Я осознавала, что говорю неправду, когда в школе сказала, что родилась в Китае, – писала Сьюзен, – но это была всего лишь небольшая часть гораздо более крупной и всеохватывающей лжи, поэтому моя была вполне простительной»⁶⁹.

Сказанная ради большой лжи, моя маленькая ложь стала своего рода правдой.

Зонтаг не уточнила, какой именно была та, большая ложь. Как бы там ни было, ее первые литературные опыты имели прямое отношение к Китаю.

В начале 1970-х годов, во время короткого периода, когда Зонтаг занималась кинематографом, она написала синопсис сценария, героями которого была богатая пара, проживавшая в британской концессии в Тяньцзине. Больной туберкулезом муж «любит играть в сколачивание денег», хотя благодаря происхождению чувствует себя «социально неполноценным». Супружескую пару обхаживают слуги, и живут они за забором из колючей проволоки, огражденные от варварского Китая, в котором люди писают прямо на улице. «Жена – сумасшедшая», – пишет Зонтаг о своей матери. На следующей странице мы видим пометку: «Может, сделать Милдред (бедную Милдред) полностью ку-ку?»⁷⁰

Как мы уже знаем, от отца Сьюзен осталось две бобины киноплёнки, отсмотреть которые было крайне сложно, и скромный «набор фотографий». Однако у Сьюзен не было ничего, что могло бы ей помочь понять и представить, что ее отец умер. Она не знала точной даты и причины смерти, не была на похоронах и не видела могилы, то есть не имела никаких материальных свидетельств его гибели, следовательно, не имела «особых оснований верить» в то, что он умер⁷¹. «Все это казалось иллюзорным. У меня не было доказательств его смерти, и в течение многих лет я мечтала о том, что он позвонит во входную дверь». Эта фантазия развилась и превратилась в «тему вымышленной смерти», фигурировавшей в работах Зонтаг, а также в появлении чудес и «того, как один человек преследует другого, как попрыгунчик, выскакивающий из коробки, когда открывается крышка»⁷².

Можем ли мы считать, что использованное в английском оригинале выражение Jack-in-the-box, в котором присутствует имя усопшего отца Джека, является необдуманной и неслучайной метафорой? Эта «незаконченная боль»⁷³ преследовала Зонтаг всю жизнь и, по словам ее сына, часто фигурировала в «разговорах, которые она вела сама с собой в последние дни своей жизни»⁷⁴.

---

⁶⁸ Ibid., 7.

⁶⁹ “Project for a Trip to China”, in Sontag, I, etcetera, 5.

⁷⁰ “China” screenplay, Sontag Papers.

⁷¹ “Project for a Trip to China”, in Sontag, I, etcetera, 24.

⁷² Sontag Papers, n.d.

⁷³ Sontag Papers, n.d.

⁷⁴ Rieff, Swimming, 174.

Глава 2. Главная ложь

1949 год. Сьюзен только начала учиться в Чикагском университете. В этот день она общалась за обедом с группой таких же первокурсников. Одна из девушек, Марта Эделхайд, упомянула, что, когда была ребенком, летний лагерь (*англ. camp*) помог ей «полностью не сойти с ума». «Camp, – отвечала Сьюзен, – был самым страшным, что случилось в моей жизни». Марта продолжала рассказывать о том, каким прогрессивным был лагерь Эрроухэд в Понокосе. «Именно там я и была! – воскликнула Сьюзен. – И из него сбежала».

Марта с удивлением смотрела на Сьюзен. Дело в том, что в лагере Эрроухэд ходили легенды о девочке, которая убежала. Тогда Марте было шесть, а Сьюзен семь лет. «Все обитатели лагеря ночью проснулись, потому что одной девочки недосчитались», – вспоминала Марта. Вызвали полицию. «Это был просто кошмар». И вот через много лет эта девочка неожиданно появилась. «Ей этот лагерь был поперек горла, – вспоминала Марта. – Она ненавидела его всей душой и не хотела в нем находиться. И никто ее не слушал».

Побег Сьюзен из лагеря был реакцией на две глубокие травмы – смерть отца (интересно, сообщила ли Милдред дочерям к лету 1939-го о том, что их отец умер?) и неосуществимое желание быть с матерью. «Я всегда пыталась привлечь ее внимание, – говорила Сьюзен. – Постоянно. Сделать так, чтобы она меня полюбила»⁷⁵. Но «мама отправила ее в лагерь, чтобы заниматься тем, что ей нравится»⁷⁶, – утверждала Марта.

Понятно, что женщине, потерявшей мужа и совершившей почти кругосветное путешествие, нужны были покой и отдых. Однако Милдред так бросала дочерей практически сразу после их рождения. В итоге страх быть брошенной и вследствие этого стремление бросить человека до того, как он или она бросит ее саму, стали одними из основополагающих страхов и черт характера Зонтаг.

Милдред пришлось смириться и подстроиться под новые условия жизни. У нее были деньги. Компания Kung Chen Fur в то время платила не менее 500 долларов в месяц, что в пересчете на деньги 2018 года составляет более 8000 долларов. Однако под руководством младшего брата Джека Арона, имевшего репутацию совершенно некомпетентного человека, бизнес Розенблатта рушился. Кроме этого, из-за начавшейся войны спрос на меха упал, а сложности ведения бизнеса, напротив, возросли. Через несколько лет этот источник дохода совсем иссяк⁷⁷.

Милдред не бедствовала, хотя смерть мужа сильно ограничила ее возможности. Кажется, что она постоянно была в поисках нового, постоянно куда-то уезжала. Она продала дом в Грейт-Неке и переехала в Верону в штате Нью-Джерси. Там короткий период времени Милдред жила рядом со своим отцом, проживавшим в Монтклэре. Возможно, Милдред не понравилась эта во всех смыслах тесная связь, и она вместе с дочерьми уехала в Майами-Бич, где они провели год, с 1939-го по 1940-й. После этого она снова вернулась на север и поселилась на Лонг-Айленде в Вудмере. В 1941 году она перебралась в Форест-Хиллз в Куинсе, где они прожили до 1943-го, после чего отправились на запад и поселились в окруженном пустыней Тусоне. Там, ближе к Западному побережью, на котором Милдред выросла, она и осталась до конца своей жизни.

Кочевой образ жизни Милдред (который, кстати, передался по наследству ее дочери) оказался отягощен алкогольной зависимостью. Она начала пить, чтобы забыть о смерти мужа

---

⁷⁵ Интервью автора с Винсентом Вирга.

⁷⁶ Интервью автора с Марти Эделхайд.

⁷⁷ Интервью автора с Джудит Коэн.

и неудачных попытках построить новую жизнь. Милдред не упоминала о своем алкоголизме ни Сьюзен, ни уж тем более кому-либо из посторонних людей. Она всегда держалась в рамках приличий и, встречая гостей с высоким бокалом водки со льдом в руке, интересовалась: «Не желаете ли воды?»⁷⁸ Ей было сложно бороться с проблемами этого мира, и поэтому она много времени проводила, лежа в спальне, переложив заботу о хозяйстве и детях на плечи Нелли и Роуз.

«Больше всего в жизни я хлебнула безразличия, – писала Сьюзен много лет спустя, – а не презрения»⁷⁹.

Милдред выходила из апатичного состояния, лишь когда рядом находился кто-то из ее ухажеров. «У нас было много “дядей”, – вспоминает Джуди⁸⁰. – И далеко не всегда мы знали, как их зовут... Одного из них звали “Дядя”» (*прим. пер.*: UNK – сленг «дядя», а также сокр. Unknown – неизвестный)⁸¹. Но когда рядом с Милдред не было мужчины, то, по словам одного из друзей Сьюзен, «мать в буквальном смысле перекладывалась в кровать дочери со словами: “О боже, моя драгоценная, я без тебя и дня не протяну”»⁸².

Но если рядом был один из «дядей», Милдред было совершенно не до Сьюзен, она всецело ограждалась от нее. «Когда я была ребенком, М. мне не отвечала, – писала Зонтаг в своих дневниках. – Это было самым страшным наказанием. Она всегда была безучастна, даже когда не злилась (ее зависимость от алкоголя – один из симптомов). Но я не сдавалась»⁸³.

Вполне возможно, что Милдред и понятия не имела о том, как быть матерью. Но она была красивой и посвящала много времени своему внешнему виду. Она знала, как найти подход к мужчинам, и умело привлекала к этому своих дочерей. Милдред была в восторге каждый раз, когда кто-нибудь принимал ее за сестру Сьюзен. Сначала она использовала дочерей, чтобы выглядеть моложе, а позднее отказывала им в общении, когда стала на их фоне смотреться старше⁸⁴.

Уже в самом раннем возрасте умные не по годам сестры нашли способ, который заставлял маму обращать на них внимание. «Я знала, что одной из вещей, которая доставляла моей матери удовольствие, было восхищение ее женской привлекательностью, – писала Сьюзен. – Она делала вид, что со мной флиртует, возбуждает меня, я делала вид, что она меня возбуждает (и действительно возбуждалась)»⁸⁵. Когда никакого «дяди» на горизонтах не наблюдалось, Сьюзен исполняла эту роль. «Не бросай меня, – умоляла Милдред. – Ты должна держать меня за руку. Я боюсь темноты. Ты мне нужна, моя дорогая, моя драгоценная»⁸⁶. Сьюзен была матерью своей матери, а вместе с тем и ее «мужем», вынужденным соперничать с другими мужчинами, которые увивались за молодой вдовой-красавицей. «Я победила ее бойфрендов, которые отнимали время, но не затрагивали чувств (как она мне сама неоднократно говорила). Со мной она была «женственной», я же исполняла роль застенчивого и обожающего мальчика. Я была деликатной, ее бойфренды – грубыми. Я ее любила и играла роль влюбленного»⁸⁷. Когда с мужчинами ничего не складывалось, у Милдред всегда была Сьюзен.

---

⁷⁸ Интервью автора с Терри Цукером и Давидом Риффом.

⁷⁹ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», Ад Маргинем Пресс, Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС»/IRIS Art Foundation, 2014.

⁸⁰ Judith Cohen in Nancy Kates, dir., *Regarding Susan Sontag*, HBO, 2014.

⁸¹ Интервью автора с Джудит Коэн.

⁸² Интервью автора с Доном Левином.

⁸³ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», 29.08.1964.

⁸⁴ Интервью автора с Доном Левином и Джудит Коэн.

⁸⁵ *Sontag Papers*.

⁸⁶ Интервью автора с Доном Левином.

⁸⁷ *Sontag Papers*.

Зонтаг писала, что мать приписывала ей «магические качества» и считала, что «умрет, если я не буду ими делиться»⁸⁸. Милдред возложила на ребенка бремя тяжелой ответственности. При этом угроза того, что мать «бросит» Сьюзен, всегда была реальной, и Милдред действительно ее «бросала», как только на горизонте появлялся подходящий мужчина. Сьюзен жила в «постоянном страхе, что она внезапно и беспричинно отстранится»⁸⁹. Милдред научила Сьюзен разжигать интерес к себе, периодически лишая объект любви своего внимания.

Вот таким, по словам Сьюзен, был ее «важнейший опыт». Он заложил садомазохистские наклонности, которые были свойственны Зонтаг всю последующую жизнь. В семье, в которой она выросла, любовь не дарили безоговорочно. В ее доме любили лишь на время и переставали любить без причины, когда заблагорассудится. Правила этой игры, в которую невозможно выиграть, Сьюзен выучила с самого детства. Милдред чувствовала потребность в своей дочери, и Сьюзен пришлось научиться тому, как обезопасить себя от перепадов настроения матери. Сьюзен страстно желала, чтобы ее мать нуждалась в ней, но при этом презирала ее «слабость и несчастную долю», и когда поведение Милдред становилось невыносимо сентиментальным, у Сьюзен не было другого выхода, как отстраниться⁹⁰. «Когда она требовала моего внимания, а я не пыталась заполучить его, – писала Сьюзен, – я чувствовала себя подавленной, удалялась и делала вид, что не замечаю ее мольб»⁹¹.

В дальнейшем по самым разным причинам Зонтаг не любила, когда на нее навешивали «ярлыки». Она отказывалась от предложений включить ее произведения в антологии женщин-писателей. Она советовала Дэррилу Пинкни не уделять столь пристального внимания расовой тематике, а Эдмунду Вайту – сексуальным меньшинствам. Она считала, что писатель должен стремиться к такой степени выраженности индивидуального, что его произведения могли бы приобрести общечеловеческий, универсальный характер. Хотя мало кому удавалось быть такими индивидуалистами, как Зонтаг, сама она оставалась в почти карикатурном амплуа взрослого ребенка из семьи алкоголиков со всеми вытекающими слабостями и сильными сторонами, обусловленными воспитанием пьющих родителей.

Позже Зонтаг настаивала, что рак поражает людей независимо от безупречности их характера или сексуальной воздержанности и цветастых эвфемизмов, при помощи которых человек отрицает свою болезнь. Рак – это всего лишь заболевание. Говорят, что и алкоголизм – заболевание, потому что у него есть свои симптомы. Точно так же, как и в случае с любой другой патологией, развитие этой болезни достаточно предсказуемо.

Предсказуемо и влияние родителей-алкоголиков на своих детей. Правда, это влияние хорошо изучили лишь тогда, когда Сьюзен уже выросла. «На самом деле я никогда не была ребенком!»⁹² – писала она, когда ей было за двадцать. Это восклицание показывает горечь, которую Зонтаг чувствовала по поводу своего украденного детства. «В каком случае ребенок не является ребенком? – задавала вопрос одна из специалистов в этой области Джэнет Войтитц. – Когда ребенок живет с родителями-алкоголиками»⁹³.

Сьюзен дали понять, что от ее действий зависит судьба матери.

---

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», 09.08.1967.

⁹⁰ *Sontag Papers*, n.d.

⁹¹ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», 09.08.1967.

⁹² *Zontag*. «Заново рожденная», 3 марта 1962. Ад Маргинем Пресс, 2013.

⁹³ Janet Geringer Woititz, *Adult Children of Alcoholics* (Deerfield Beach, FL: Health Communications, 1983), 3.

Дети чаще всего стремятся сделать все идеально, и Сьюзен (которая, по словам ее матери, была ребенком с «исключительно хорошим поведением»⁹⁴) была в ужасе от того, что может плохо выполнить возложенные на нее обязанности.

Дети алкоголиков остро осознают свои недостатки, страдают от низкой самооценки и, даже когда их хвалят, всегда чувствуют, что добились далеко не лучших результатов. Сьюзен понимала, что любовь ее матери не безоговорочна, и, став взрослой, она требовала доказательств любви, чтобы, получив их, отказать во взаимности⁹⁵.

Действительно, многие отталкивающие черты характера Сьюзен объясняются тем, что она выросла в семье алкоголиков. Недруги Зонтаг обвиняли ее в том, что она слишком серьезно относилась к себе, была жестока, во всем контролировала себя и других и не имела чувства юмора.

Войтитц объясняет: «Ребенок родителей-алкоголиков никогда не чувствует, что контролирует ситуацию. Он принимает на себя ответственность за все, что происходит вокруг него»⁹⁶. Дети алкоголиков часто становятся лжецами. Понимая, что они не могут рассказывать о том, что происходит дома, они придумывают для себя замысловатые истории и образы и утешаются фантазиями. Им приходится быть старшими для своих родителей, и, лишённые детской беззаботности, они быстро становятся не по годам серьезными. Однако уже во взрослом возрасте такие «образцово ведущие себя дети» нередко сбрасывают когда-то не по годам взятую ношу и обнажают свою инфантильность.

«Королева отрицания» Милдред страшилась действительности, того же боялась Сьюзен. Впрочем, ее побег от реальности оказался более успешным. Чувствуя себя дома так, словно она «иностранец с видом на жительство»⁹⁷, больше всего она мечтала о том, чтобы куда-нибудь убежать. «Кому принадлежит голос, зовущий уехать в Китай? – писала она. – Это голос шестилетней малышки»⁹⁸. Она представляла себе «мир эксплуатируемых кули и конкубинов. Жестоких домовладельцев. Заносчивых и высокомерных мандаринов, скрестивших руки, спрятанные в рукавах мантий»⁹⁹.

Частично такие мечтания можно объяснить желанием увидеть отца. Однако литературные образы для игры своего воображения она позаимствовала у матери. Милдред внушила Сьюзен желание убежать и предоставила ей все необходимые средства. В редком порыве материнской заботы Милдред научила Сьюзен читать. «Она написала ее имя мелом на доске, – вспоминал Пол Браун. – Произнесла «Сьюзен» и показала на дочь. Та повторила. Потом написала другое слово. После того как Сьюзен и его выучила, Милдред писала очередное новое слово. Так в возрасте двух или трех лет Сьюзен начала читать»¹⁰⁰.

Чтение помогло Сьюзен изменить мир вокруг и придать ему эстетическую глубину. Например, прочтение «Маленького лорда Фаунтлероя» вдохновило ее использовать в обращении к своей загадочной матери эпитет «дорогая». Книги становились для нее спасительной и непроницаемой стеной. «Когда тебе что-то не нравится, – писала Милдред, – иди в свою комнату и читай»¹⁰¹. Надо сказать, что если бы Сьюзен чувствовала себя счастливой, то, вероятно, не стала бы так много читать. Милдред способствовала тому, что Сьюзен с головой погрузилась в чтение.

---

⁹⁴ Sontag Papers.

⁹⁵ This discussion relies on Woititz, *Adult Children of Alcoholics*.

⁹⁶ This discussion relies on Woititz, *Adult Children of Alcoholics*.

⁹⁷ Sontag, "Pilgrimage," *The New Yorker*, December 21, 1987.

⁹⁸ "Project for a Trip to China", in Sontag, I, etcetera, 7.

⁹⁹ *Ibid.*, 22.

¹⁰⁰ Интервью автора с Полом Брауном.

¹⁰¹ Sontag Papers.

«Совершенно запуганная» не по годам ранними интеллектуальными способностями Сьюзен¹⁰², ее мать, как позднее и многие другие, боялась мнения собственной дочери. Когда однажды Милдред «застукали» за чтением журнала для домохозяек Redbook, она со стыдом спрятала его под одеяло¹⁰³. Сьюзен не захотела лишней раз смущать мать и сделала вид, что не заметила «позорного» издания. «Я делаю все возможное, – писала Зонтаг, – чтобы не смотреть, не запоминать и никогда не использовать против нее то, что видела»¹⁰⁴.

«Я выросла, стараясь одновременно видеть и не видеть»¹⁰⁵, – писала она.

Она делала вид, что не замечает своей матери, и в конце концов действительно перестала ее замечать. Состояние Сьюзен варьировалось между «рабским пресмыканием»¹⁰⁶ и его полной противоположностью. «Моя мать была ужасным человеком»¹⁰⁷, – заявила она подруге после смерти Милдред. «У меня не было матери, – говорила другу, с которым подробно обсуждала алкоголизм. – Все, что у меня от нее было, – это леденяще холодное чувство. Сплошная депрессия. Я постоянно пыталась привлечь внимание и завоевать ее любовь. У меня не было матери»¹⁰⁸.

Все это было такой же карикатурой на действительное положение вещей, как и представление маленькой Сьюзен о том, что ее мать является романтической героиней. «Она была не в состоянии понять, что происходит с другим человеком, – заявил один из ее любовников. – Я имею в виду чувствительность, которую человек постоянно проявляет в обыденной жизни. Типа: «О чем ты думаешь, что ты чувствуешь, каково твое мнение по этому вопросу?» Сьюзен не была чувствительным человеком»¹⁰⁹. Она была не в состоянии увидеть разочарования, из-за которых ее мать закрылась от реальности. Такое ощущение, что Зонтаг не смогла увидеть связь между «главной ложью о том, кем является (ее мать)»¹¹⁰, и тем человеком, которым была она сама. Она ненавидела ощущение «обмана», остававшееся от лжи. Однако, несмотря на то что она пыталась дистанцироваться («Я ненавижу в себе все – в особенности физиологию, все это так на нее похоже»), опосредованная связь с матерью оставалась¹¹¹. Еще одна любовница говорила о Сьюзен, что ею «управляет образ, сложившийся о себе в семье, и она отыгрывает роль маминой дочери»¹¹².

---

¹⁰² Интервью автора с Джудит Коэн.

¹⁰³ Интервью автора с Лусиндой Чайлдс.

¹⁰⁴ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», 10.08.1967.

¹⁰⁵ *Ibid.*, 213, August 9, 1967.

¹⁰⁶ *Ibid.*, 223, August 10, 1967.

¹⁰⁷ Интервью автора с Феридой Дуракович.

¹⁰⁸ Интервью автора с Винсентом Вирга.

¹⁰⁹ Eva Kollisch in Kates, Regarding Susan Sontag.

¹¹⁰ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», 10.08.1967.

¹¹¹ *Ibid.*, 223.

¹¹² *Zontag*. «Заново рожденная», 29.02.1960. Ад Маргинем Пресс, 2013. Цитата Ирэн Форнес.

Глава 3. С другой планеты

Среди обрывков воспоминаний, которые Сьюзен берегла со времен смерти отца, сохранился вопрос, заданный пятилетней Сью Розенблатт и позволяющий взглянуть на Зонтаг в будущем: «В чем разница между трахеей и пищеводом?»¹¹³

Другие обрывки воспоминаний тех времен свидетельствуют о состоянии, в котором тогда находилась Сью. Она помнила о том, что дядя Сонни бросил ее на глубоком месте реки, отчего у нее остался легкий, но непроходящий страх перед водой. Она запомнила паука в палатке на участке за домом, а также запах мочи в подвале сумасшедшего дома¹¹⁴. Волнения, пережитые ребенком, привели к появлению у Зонтаг астмы. Астма часто становится последствием душевных переживаний и тяжелого психологического состояния, а чувство того, что ты задыхаешься, испугает любого взрослого, не говоря уже о ребенке. Астма – первое серьезное заболевание в жизни Зонтаг, у которой было много недугов.

К «кошмарным обострениям астмы, во время которых чувствуешь, что тебя хоронят живьем»¹¹⁵ прибавилась другая серьезная напасть – полная неспособность Милдред справляться с трудными ситуациями. В неопубликованных мемуарах Зонтаг, изменив имена, писала о том, что во время приступов астмы мать «вела себя совершенно неадекватно, не понимая, как облегчить страдания дочери, которая, откинув простыню, тянулась к потолку, пытаясь поймать легкими воздух»¹¹⁶.

Милдред не могла находиться в спальне дочери, но и не оставалась равнодушной к ее страданиям. В 1939-м она в очередной раз (третий по счету чуть более чем за год) затеяла переезд – семья вместе с Нелли и Роуз села на поезд и отправилась во Флориду.

Одним из немногих воспоминаний Сьюзен о тех временах был вопрос, который она задавала матери: «Мама, а как пишется слово “пневмония”?»¹¹⁷

Сьюзен пыталась понять заболевание, от которого, по словам Милдред, умер Джек. Тогда еще Сьюзен не говорили о том, что ее отец умер от туберкулеза. Девочка боролась с заболеванием дыхательных путей, ужасно переживая по поводу того, что и ее отец умер от подобной болезни. Несмотря на то что Зонтаг не оставила практически никаких записей об этом периоде жизни в Майами-Бич, она многое поняла о заболеваниях легких, а пребывание в санатории останется в ее памяти на всю жизнь.

Флорида запомнилась Сьюзен «кокосовыми пальмами и белыми домами, украшенными имитацией мавританской лепнины»¹¹⁸, а также посещением бабушки Розенблатт, которая сообщила девочке, что Деда Мороза не существует¹¹⁹.

В Майами было влажно, условия для лечения астмы оказались не самыми подходящими. В итоге семья прожила там менее года. В 1940 году Милдред перевезла девочек в Нью-Йорк, где они временно поселились в Вудмере на Лонг-Айленде, в районе гольф-поля Айдлвуд, на месте которого сейчас построен аэропорт им. Джона Кеннеди. Пребывание в этих местах не произвело на Сьюзен большого впечатления. Переехав в 1941-м в Хорест-Хиллз, она сама стала «большим впечатлением».

¹¹³ *Zontag*. «Заново рожденная».

¹¹⁴ *Ibid.*, 115, январь 1957.

¹¹⁵ *Zontag*. «Любовница вулкана», Эксмо, 2008.

¹¹⁶ *Sontag Papers*, dated 1948. Мэри – вымышленное имя, использованное Зонтаг в рассказах о Розе.

¹¹⁷ *Zontag*. «Заново рожденная», январь 1957.

¹¹⁸ David Rieff quoted in Daniel Schreiber, *Susan Sontag: Geist und Glamour: Biographie* (Berlin: Aufbau Verlag, 2010), 18.

¹¹⁹ *Sontag Papers*.

Уолтер Флегенхаймер был на несколько лет старше Сьюзен и учился в государственной школе № 144, в которой Зонтаг обучалась с пятого по шестой класс. Флегенхаймер вспоминал, как на детской площадке к нему с приятелем подошла девочка и спросила, учатся ли они в классе для «интеллектуально одаренных детей». Сьюзен начала ходить в ту школу не с начала учебного года, поэтому сама в такой класс не попала. Она с облегчением вздохнула, узнав, что мальчики обучаются именно по «интеллектуальной» программе. «Я могу с вами поговорить? – поинтересовалась она. – Все в моем классе такие тупые, что я не в состоянии с ними общаться».

Сью была веселой, и ее острый ум привлекал мальчиков старшего возраста. Они подружались, и Флегенхаймер с удивлением узнал, что она на два года его младше. «Она несколько не уступала нам в интеллектуальном смысле, а мы тогда были совсем неглупыми ребятами». Они пообщались на площадке и потом зашли в квартиру семьи Розенблатт, в которой встретили «очень гламурную даму» Милдред, она была гораздо более «продвинутой, чем другие матери», вспоминал Флегенхаймер.

«Не припоминаю, чтобы Сьюзен тогда проявляла особый интерес к литературе или писательству», – говорил Флегенхаймер. То, что действительно оставило отпечаток в памяти, так это ошеломляющая харизма Сью, которая всегда была «очень собранной», иногда «слишком сильно старалась», но при этом у нее были «выдающиеся» способности, свидетельствующие о том, что ее ждет великое будущее.

«Когда мне было уже за двадцать и даже за тридцать, я в газетах искал имя Сью Розенблатт, потому что был уверен в том, что она стала великой. Но я нигде не встречал ее имени, поэтому решил, что она в конце концов не прославилась»¹²⁰.

На игровой площадке около школы № 144 Сью пока еще не говорила о книгах. По ее словам, в самом начале разговора с мальчиками она чувствовала себя изгоем. Несчастливая дома и скучающая в школе, она мечтала о новой и прекрасной жизни.

Позже Зонтаг стала примером для подражания всех девочек, которые любят книги, однако, когда она сама была ребенком, ей не на кого было равняться.

Критик и феминистка Кэролин Хейлбрун считала, что до недавнего времени биографий заслуживали «только [женщины] члены королевских семей или женщины, сыгравшие роль в жизни великих мужчин». Женщины, которые сами добились успеха в жизни, даже не рассматривались. «Тогда писали мемуары про женщин, посвятивших себя и подчинивших свою жизнь судьбе мужчины. До 1970-го для молодых читательниц, которые хотели найти биографии женщины иного жизненного пути, примеров для подражания было очень мало»¹²¹. В 1960-х годах даже творчество такой именитой писательницы, как Вирджиния Вулф, один из столпов американской литературной критики Лайонел Триллинг отверг как полностью несостоятельное¹²². Жена Триллинга горько шутила, что ее собственный некролог, чего бы она ни добилась в жизни, начнется словами: «Диана Триллинг, вдова профессора и литературного критика Лайонела Триллинга, умерла в возрасте 150 лет»¹²³.

---

¹²⁰ Интервью автора с Уолтером Флегенхаймером.

¹²¹ Carolyn G. Heilbrun, *Writing a Woman's Life* (New York: W. W. Norton, 1988), 21. На стр. 12 она объясняет: «В 1984-м я достаточно произвольно назвала 1970 год началом новой женской биографии, потому что в тот год вышла книга «Зельда» Нэнси Милфорд. Значение этой биографии в том, что она указывает на предположение Скотта Фицджеральда, который думал, что обладает правом на жизнь своей жены Зельды в качестве своей художественной собственности».

¹²² Carl E. Rollyson and Lisa Olson Paddock, *Susan Sontag: The Making of an Icon* (New York: W. W. Norton, 2000), 152.

¹²³ Michael Norman, «Diana Trilling, a Cultural Critic and Member of a Select Intellectual Circle, Dies at 91», *New York Times*, October 25, 1996.

Среди мемуаров женщин-интеллектуалок поколения Зонтаг можно говорить об одном исключении из этого правила. В 1937-м вышли мемуары Евы Кюри под названием «Мадам Кюри». Сьюзен прочтала их, когда ей было семь или восемь лет. «После этого я захотела стать биохимиком и получить Нобелевскую премию, – говорила она потом (Зонтаг не получила Нобелевской премии, в отличие от Кюри, которая не только сама получила эту премию, но лауреатами этой премии были ее отец, муж, сестра, деверь и мать – последняя дважды). – Я не знала, что женщине довольно сложно получить такую награду»¹²⁴.

Зонтаг всю жизнь с большим уважением относилась к «самой большой героине моего раннего детства»¹²⁵ и в последнее десятилетие своей жизни даже рассматривала возможность написания биографического романа о Кюри¹²⁶. Ева Кюри была надменной и умела вселять в людей страх, что заставило Сью размышлять о том, обладает ли она всеми необходимыми качествами для получения Нобелевской премии. Впрочем, она была уверена, что ее интеллект и способность «вкладывать больше, чем остальные» являются большим преимуществом. «Я решила, что смогу добиться всего, если только захочу (тогда я собиралась стать химиком, как мадам Кюри), что настойчивость и желание вкладывать в то, что считаю важным, больше, чем остальные, помогут мне добиться того, что пожелаю»¹²⁷.

Из книг Сью извлекла представление о долге перед обществом как своего рода социалистическом героизме. В Форест-Хиллз она прочтала комикс о канадском враче Нормане Бетуне, который воевал на стороне коммунистов во время гражданской войны в Испании и после этого отправился в Китай, где героически погиб в борьбе за дело социалистического интернационализма (на службе Мао)¹²⁸. Сью прочтала и книгу о побегах из тюрьмы «20 000 лет в Синг-Синге» Льюиса Лоуза, а также роман о несправедливости и мести «Отверженные» Виктора Гюго. В одном из интервью Зонтаг сказала, что «в течение нескольких месяцев жила в горе и напряжении», читая пятитомное издание Гюго. «Сознательным социалистом я стала после главы, в которой Фантина была вынуждена продать свои волосы»¹²⁹.

Существовала и другая причина, по которой Зонтаг ассоциировала себя с угнетенными. В годы проживания семьи в Форест-Хиллз Зонтаг узнала о нацистской политике истребления евреев. Полный масштаб этой трагедии стал известен после войны, однако евреи США понимали, что грозит их собратьям в Европе. В город приехали тысячи иммигрантов. Даже приятель Сью Волтер Флегенхаймер родился в Германии.

Позднее Зонтаг делала весьма неоднозначные заявления о своей национальности. Израильскому писателю Йораму Канюку она заявила, что является «в первую очередь еврейкой, во-вторых, писательницей и, в-третьих, американкой»¹³⁰. Канюк был в шоке, потому что «в ней не было ничего, что могло бы ассоциировать ее с евреями». Многие другие были с ним совершенно согласны. «Сьюзен не была похожа на еврейку», – говорил кинокритик Дон Эрик Левин и добавлял: «Если она и старалась вести себя как еврейка, то из нее получалась Ханна Арендт»¹³¹. Польский писатель Владислав Андерс, сопровождавший в поездке по стране группу американских писателей, вспоминал о том, что Джон Эшбери расплакался в Освенциме. «Но она не расплакалась. Она много говорила о манипуляции историческими фактами, о том, что некоторые аспекты страданий еврейского народа замалчивают, но для нее это были лишь философские размышления, а не вопрос, который затрагивает ее лично».

---

¹²⁴ Wendy Perron, "Susan Sontag on Writing, Art, Feminism, Life and Death", *Soho Weekly News*, December 1, 1977.

¹²⁵ *Зонтаг*. «В Америке», Эксмо, 2004.

¹²⁶ Интервью автора с Джаростоу Андерсом.

¹²⁷ *Зонтаг*. «В Америке», Эксмо, 2004.

¹²⁸ *Зонтаг*. «Заново рожденная», январь 1957.

¹²⁹ Quoted in Craig Seligman, *Sontag & Kael: Opposites Attract Me* (New York: Counterpoint, 2004), 16.

¹³⁰ Rollyson and Paddock, *Making of an Icon*, 161.

¹³¹ Интервью автора с Доном Левином.

Иногда, как, например, в разговоре с Канюком, она подчеркивала свои еврейские корни. В других случаях, наоборот, умалчивала о них. Одной итальянской подруге она сказала, что первая синагога, в которой она оказалась, располагалась во Флоренции, хотя ее отчим основал синагогу на территории гораздо более прозаичной долины Сан-Фернандо¹³². Писателю Джонатану Сафрану Фоеру Зонтаг заявила: «У меня нет никакой еврейской истории, и я никогда не отмечала Песах»¹³³, хотя в ее семье, по воспоминаниям сестры, отмечали не только этот, но и другие еврейские праздники. Бабушка Зонтаг ела только в кошерных ресторанах, Милдред вела занятия еврейской школы прямо на ступеньках их дома, а Сьюзен сдавала кровь на нужды граждан Израиля¹³⁴.

Не будем утверждать, что Зонтаг выросла в семье ортодоксов. Милдред разрешала ставить дома рождественскую елку и не запрещала дочерям ходить с Роуз в церковь. Зонтаг выросла в совершенно обычной среднеобеспеченной еврейской семье, и совершенно непонятно, почему она это отрицала.

Зонтаг родилась за две недели до того, как Гитлер пришел к власти, следовательно, одной из составляющих ее совершенно нормального еврейского воспитания стало чувство страха. Вне зависимости от того, насколько сильно она ощущала свои еврейские корни, она знала, что людям ее национальности грозит опасность. Зонтаг понимала, что даже если она сама считала себя «номинально» еврейкой, для нацистов этого было вполне достаточно.

Во время войны Зонтаг часто снился сон, в котором нацисты убегают из тюрьмы и пробираются к дому на окраине города, в котором жила ее семья, чтобы убить их¹³⁵.

Однако опасность подстерегала ее не только во сне. Однажды, когда она возвращалась домой из школы в Форест-Хиллз, кто-то обозвал ее грязной еврейкой и ударил камнем по голове, да так, что пришлось накладывать швы. Травма не прошла бесследно. «Я думаю, нет, знаю, – говорила Джуди по поводу этого нападения, – что Сьюзен ненавидела ярлыки»¹³⁶. Зонтаг боялась ярлыков и старалась их избегать, в особенности наиболее опасных, то есть тех, которые имели отношение к национальности, полу и сексуальной ориентации.

Зонтаг боялась, что на нее могут навесить ярлыки, однако это не означало, что страдания еврейского народа были для нее «проблемой, но не личного характера». На протяжении всей жизни, сталкиваясь с личными трудностями, она пыталась подобраться к их разрешению с позиции разума. Абстрактные вопросы приобретали глубокий эмоциональный подтекст, что позволяло придать отвлеченным умозаключениям и конструкциям неожиданно свежий заряд актуальности. В книге «Болезнь как метафора» она не упоминает о том, что сама больна раком. Многие предметы ее интеллектуальных исследований имеют прямое отношение к страданиям еврейского народа, как, например, фотографии узников концлагерей, которые изменили всю ее жизнь.

Вскоре после окончания войны (возможно, сразу после того, как она увидела эти фотографии) Зонтаг написала стихотворение, в котором затронула многие вопросы, разработанные ею позднее, например проблему памяти и восприятия боли других людей.

Прах сожженных в лагерях,

---

¹³² Интервью автора с Паоло Дилонардо. Паола сказала, что первая синагога, которую она посетила, была во Флоренции. Ее сестра рассказывает об основании синагоги в долине.

¹³³ Sontag to Jonathan Safran Foer, May 27, 2003, Sontag Papers.

¹³⁴ Интервью автора с Джудит Коэн. *Зонтаг*. «Заново рожденная», сентябрь 1957.

¹³⁵ “Literature Is Freedom”, in Sontag, *At the Same Time*, 207.

¹³⁶ Интервью автора с Джудит Коэн.

*Истощенные тела расстрелянных, избитых, покалеченных,
Расскажите мне о том, что выпало на вашу долю,
Дайте мне вас запомнить...
Я не считаю, что ваш прах будет что-либо питать и сделает почву богатой,
Я не считаю, что в вашей смерти есть какой-либо смысл
И от нее будет какая-либо польза,
Простите за то, что у меня нет силы – даже если бы у меня было право —
Их преобразить.*

В возрасте 12 или 13 лет она осознавала, что изувеченные тела выглядят непристойно, но тем не менее не отводила взгляда. При этом решительно не хотела принижать жертв, приписывая пройденным ими мукам счастливый конец страданий. Зонтаг волновал вопрос памяти о трагедии. «Если в разговоре о таких страшных и болезненных событиях возможно какое-либо чувство такта, я буду его искать», – обещала она¹³⁷. И она действительно всю жизнь его искала. Но она бы не стала пускаться в такие поиски, прибегая к грубым обобщениям, которые, по ее мнению, и привели к катастрофе. «Я пытаюсь делать это отвлеченно»¹³⁸.

В Нью-Йорке астматику Сью стало хуже. Милдред решила перевезти семью в Тусон, где в условиях пустынного климата с 1920-х годов строили санатории для людей с болезнями дыхательных путей. К тому времени рекламщики уже придумали «kozyрь» для жаркой Аризоны. Они утверждали, что вопрос не в жаре, а во влажности. Вот что писали в рекламных брошюрах санатория «Пустыня»: «В середине лета температура резко повышается, но благодаря сухости воздуха у людей не случаются солнечные удары или перегревы. В сухом климате пережить высокую температуру воздуха гораздо проще, чем в условиях высокой влажности»¹³⁹.

Сложно представить себе место на территории США, более непохожее на Нью-Йорк, чем пустыня Аризоны. Сью на всю жизнь запомнила безлюдные улицы Тусона, индейцев, экзотические флору и фауну, также удаленность от цивилизации. В одном из ее романов герой говорит о пустынях на юго-западе страны так: «Даже болотистые джунгли Панамского перешейка не произвели на них такого сильного впечатления»¹⁴⁰. После трех дней в поезде Сью выбежала из вагона и обняла первый увиденный ею кактус.

«Она никогда раньше не видела кактус, – вспоминала Джуди, – и была покрыта иголками с ног до головы»¹⁴¹.

Семья сняла дом № 2409 по Ист-Драхман-стрит. Сейчас эта улица находится практически в центре города, но в 1943-м она представляла собой грунтовую дорогу и была так далека от цивилизации, что по пути к расположенной поблизости Arizona Inn Сьюзен часто встречала гремучих змей¹⁴². Они жили в стоящем на цементном фундаменте доме из четырех небольших комнат. Это жилище было настолько хуже всех домов, в которых Милдред жила в Китае и на Лонг-Айленде, что ей было сложно представить себе, что она задержится там надолго. Джуди, Сьюзен, Милдред, Роуз и собака Лэсси с трудом умещались в этом небольшом домишке. Впрочем, для девочек размер дома не имел большого значения, они предпочитали проводить время на улице или прятались от жары в дыре под землей (через некоторое время Сьюзен будет писать

---

¹³⁷ Sontag Papers.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ The Desert Sanatorium and Institute of Research: Tucson, Arizona”, <http://www.library.arizona.edu/exhibits/pams/pdfs/institute1.pdf/>.

¹⁴⁰ Зонтаг. «В Америке».

¹⁴¹ Интервью автора с Джудит Коэн.

¹⁴² Интервью автора с Ларри МакМартри.

это слово с большой буквы), которую вырыли на лужайке перед домом. Эта дыра надолго запомнилась как Сьюзен, так и ее сестре Джуди.

Сьюзен было нелегко принять жизнь в Аризоне. Ей было десять, и дом в Тусоне оказался ее восьмым местом проживания на территории четырех штатов. Она так часто переезжала, что ей было сложно чувствовать себя где-либо как дома. Многие воспоминания об Аризоне свидетельствуют о том, что ей было одиноко. Она начала учиться в школе Каталина, пребывание в которой называла катастрофой. Когда с ней были милы и приветливы, Зонтаг не понимала, как можно «быть милой и приветливой в ответ»¹⁴³. Ее перевели в другую школу (Солнечная Аризона), а когда ей исполнилось одиннадцать, она перешла в Мэнсфилд.

После кончины Милдред Сьюзен начала исследовать ее болезнь и сделала следующую короткую запись в дневнике: «Дети алкоголиков чувствуют себя как инопланетяне»¹⁴⁴. В семье у нее не было хороших примеров для подражания в манере общения с другими людьми, поэтому ей пришлось смотреть на то, как общаются другие люди, и имитировать их поведение. После начала обучения в школе Мэнсфилд она приняла решение, которое назвала «великим и осознанным шагом, предпринятым в возрасте 11 лет». Сьюзен дала себе клятву в том, что «будет популярной». Она писала: «Я поняла разницу между внутренним и внешним»¹⁴⁵. Это понимание она могла почерпнуть только у постороннего человека.

В воспоминаниях о матери сын Зонтаг Давид Рифф писал о том, что больше всего на свете (за исключением смерти) Сьюзен боялась «всеохватывающего и в конечном счете безутешного осознания того, что она навсегда останется аутсайдером, человеком не на своем месте»¹⁴⁶. Этот страх может на первый взгляд показаться странным. В интеллектуальном мире Зонтаг была не просто инсайдером, а живым воплощением понятий образованности и культуры. Ее поклонники говорили, что никто, кроме Зонтаг, не мог в такой степени привлечь внимание к искусству и к тем, кто им занимается. Ее критики говорили о том, что Зонтаг не в состоянии указать на причины тех или иных явлений, однако даже они не отрицали того факта, что она была влиятельной фигурой. В поколении Зонтаг не было другого деятеля культуры, который так хорошо, как она, олицетворял культурный статус и престиж Нью-Йорка. Казалось, что Зонтаг держит в своих руках ключи от культурного Манхэттена.

Тем не менее от проживания в Тусоне у Зонтаг осталось ощущение, что она – посторонний человек, совершенно отличный от окружающих. В своем втором романе «Набор смерти» / *Death Kit* она вложила свои воспоминания о Тусоне в сон главного героя о диком ребенке «в каньоне Сабино у подножия гор Каталина за Тусоном»:

*Мальчик-волк не хочет быть зверем. Он завидует трудно сплетенным страстям и страданиям людей... Не хочет быть животным, но выбора у него нет*¹⁴⁷.

Воспоминания из детства Зонтаг напоминают «долгое тюремное заключение»¹⁴⁸. Она чувствовала, что попала совсем не в ту жизнь, которую ей бы хотелось. Сьюзен пыталась сделать союзницей младшую сестру, но у той были собственные интересы. «Бесполезно учить шестилетнюю девочку тому, что латинское название ключицы – это *clavicula*, – писала Зонтаг позднее, – или заставить ее выучить названия 48 столиц 48 штатов»¹⁴⁹. Тем не менее Сьюзен

¹⁴³ *Zontag*. «Заново рожденная», сентябрь 1957.

¹⁴⁴ *Sontag Papers*, March 25, 1987.

¹⁴⁵ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», 114–115, 06.09.1965, Танжер.

¹⁴⁶ *Rieff*, *Swimming*, 74.

¹⁴⁷ *Sontag*, *Death Kit* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 1967), 260–263.

¹⁴⁸ *Sontag*, “Pilgrimage”.

¹⁴⁹ *Zontag*. «Сознание, прикованное к плоти», 114–115, 06.09.1965, Танжер.

занималась обучением сестры. Даже спустя 70 лет Джуди не забыла: «Битва при Гастингсе – 1066 г.».

В доме в Тусоне у сестер была двухъярусная кровать, и Сьюзен неизменно спала наверху. «Потому что если кровать развалится, с ней все будет в порядке»¹⁵⁰, – объясняла она. В отместку Джуди «пытала» сестру при помощи оккультных практик.

Я лежала внизу, а она наверху, практически упираясь головой в потолок. В ногах у кровати стоял сервант с зеркалом. Я говорила: «Я – ясновидящая. Я знаю, что ты делаешь. Ты только что подняла руку».

Сьюзен не понимала, как Джуди могла это видеть, и не замечала, что практически напротив нее стоит зеркало. «Иногда она совершенно не понимала самых очевидных вещей», – вспоминала Джуди. Зонтаг узнала «тайну ясновидения» незадолго до смерти, когда в больнице сестры приносили друг другу извинения за все плохие поступки. Когда Джуди призналась ей в этом, «...она была в полном восторге. Она все это время так и не догадалась».

Сьюзен хотела сделать Милдред героиней голливудского фильма, и с таким же упорством она пыталась поднять интеллектуальный уровень Джуди. Это было не просто из-за разницы в возрасте и неспособности Зонтаг признать, что ее сестра далеко не такая развитая, как она сама. Перед смертью Сьюзен говорила, что сожалеет, что Джуди не стала адвокатом. «Но, Сьюзен, – возражала Джуди, – я совершенно не умею аргументировать свою позицию. Я бы проиграла дело, даже не доведя его до суда».

Сьюзен не смогла развить умственные навыки сестры до желаемого уровня, и, следовательно, у нее не было собеседника, с которым она могла бы говорить как с равным и обсуждать вопросы, в которых хорошо разбиралась. Дома она чувствовала себя несчастной, в школе – изгоем, жила в удалении от центров культуры и поэтому уходила внутрь самой себя, самозабвенно читала и писала, писала, писала, излагая свои мысли на бумаге. За всю жизнь она исписала более ста дневников, первый из которых купила на углу улиц Спидвей и Каунти-Клаб в Тусоне. В этом дневнике она выразила надежду, что когда-нибудь сможет найти своего читателя. «Когда-нибудь я покажу эти строки человеку, которого люблю, чтобы показать, какой я была и какой одинокой себя чувствовала»¹⁵¹.

Сьюзен повезло с учителями, которые поддерживали ее любовь к чтению. Одна из ее подруг тех времен говорила: «Она была не просто хорошей ученицей, она была лучшей»¹⁵². Сьюзен читала все больше и больше, захлеб, но хаотично. Это продолжалось до появления в школе Солнечная Аризона мистера Старки («Мне кажется, что я даже никогда не знала, как его звали»¹⁵³) – учителя, который давал ей советы в выборе книг и помог навести порядок в процессе самообразования. Мистер Старки сражался в Мексике под командованием Першинга, это он познакомил Сьюзен с книгами «Страдания юного Вертера» Гёте и «Иммензее» Теодора Шторма и привил тем самым сохранившуюся у нее на всю жизнь любовь к немецкой литературе. Любопытно, что во времена Второй мировой войны еврейская девочка полюбила немецкую литературу. Не кажется случайным совпадением и то, что оба романа – про одиночество и любовь, обреченную быть несчастной.

В то время Сьюзен жила в пустыне, как в буквальном, так и в фигуральном смысле. Она писала, что (за исключением мистера Старки) окружавшие ее люди «в культурном смысле

---

¹⁵⁰ Интервью автора с Джудит Коэн.

¹⁵¹ Sontag Papers, not included in the published journals.

¹⁵² Интервью автора со Стивеном Кохом.

¹⁵³ “Literature Is Freedom,” in Sontag, At the Same Time, 207.

представляли собой настоящую пустыню». Она открывала книги серии Modern Library, которые продавались в дальнем углу магазина канцелярских товаров, и читала том за томом. Литература помогала ей убежать из «тюрьмы национального тщеславия, мещанства, навязанного провинциализма, бессодержательного и пустого образования, покалеченной судьбы и невезения»¹⁵⁴. И она поняла, что, убежав и освободившись от всего этого мысленно, она сможет и физически избавиться от такой судьбы.

Как и многим другим детям, Сьюзен нравился обаятельный фронт Ричард Халлибертон, один из самых известных писателей тех времен. Еще мальчиком Халлибертон понял секрет успеха писателя. В своих книгах он, не мудрствуя, превращал Теннесси в Анкор-Ват, и в целом суть его творчества прекрасно описывает название одной из книг – «Королевская дорога к любви». Несмотря на то что Халлибертон родился в провинциальном городке в Теннесси, он совершал рискованные путешествия, летал на самолетах и взбирался на горы, что, вне всякого сомнения, завораживало. «Оставим респектабельность всем тем, кого она радует, – писал он. – Мне же нужна свобода, при которой я могу выполнить любой каприз, свобода искать красоту, радость и любовь в самых далеких уголках земли»¹⁵⁵.

Эта цитата могла бы стать эпитафией на надгробии Сьюзен Зонтаг. Она считала, что его работы для нее «были одними из самых важных». Даже будучи взрослой, Зонтаг коллекционировала его книги¹⁵⁶. Трагическая смерть Халлибертона щекотала нервы девочке, мечтавшей о Китае. В 1939-м, когда Сьюзен узнала о смерти своего отца, Халлибертон отплыл на джонке из Гонконга в Сан-Франциско. Больше ни автора, ни членов команды судна никто не видел. Халлибертону было 39 лет, то есть чуть больше, чем отцу Сьюзен. Халлибертон вдохновил юную Сьюзен на путешествия и подтолкнул ее стать писательницей: «Он был первым примером того, как, по моему мнению, должна выглядеть полноценная счастливая жизнь – жизнь писателя, полная бескрайнего любопытства, энергии и безграничного энтузиазма. Быть писателем и путешественником – это в моей детской голове слилось в единое целое»¹⁵⁷. Писать – значит убежать от обыденности.

Несмотря на то что Ист-Драхман-стрит находилась далеко от эпицентра мировых событий, юная Сьюзен следила за тем, что происходило в мире.

«Мы ведь много играли в войну?»¹⁵⁸ – спрашивала ее позднее Джуди. На улице появился свой собственный репортер и комментатор – двенадцатилетняя Сью Розенблатт. На страницах самодельной газеты Cactus Press она анализировала происходившее в мире, информировала о кадровых изменениях в составе руководства японского Императорского флота и напоминала читателям о том, что «нашими врагами были казненные лидеры итальянских фашистов. Но сами итальянцы не являются нашими врагами»¹⁵⁹. Она копировала свои написанные фиолетовыми чернилами тексты на мимеографе и продавала их по пять центов. Из содержания газеты можно сделать вывод о том, что Сьюзен внимательно следила за ходом развития войны. За тем, как развивались военные действия, следили и миллионы других детей, однако удивительно, как Сьюзен удалось имитировать тон и стиль американских военных корреспондентов. Уже тогда она очень внимательно относилась к языку, и эта черта в полной мере раскрылась позже,

---

¹⁵⁴ Ibid.

¹⁵⁵ Greg Daugherty, “The Last Adventure of Richard Halliburton, the Forgotten Hero of 1930s America”, Smithsonian, March 25, 2014.

¹⁵⁶ “Homage to Halliburton”, in Sontag, *Where the Stress Falls: Essays* (New York: Farrar, Straus and Giroux, 2002), 255; Annie Leibovitz, *A Photographer's Life: 1990–2005* (New York: Random House, 2006).

¹⁵⁷ “Homage to Halliburton”, in Sontag, *Where the Stress Falls*, 255.

¹⁵⁸ Judith Cohen to Sontag, Sontag Papers.

¹⁵⁹ Cactus Press, vol. I, no. VIII, May 6, 1945, Sontag Papers.

когда она писала на свою излюбленную тему – не только о войне, насилии и боли, но и о словах, которыми мы их описываем.

Вскоре после окончания войны в семье Розенблатт произошли изменения. 10 ноября 1945-го Милдред пересекла мексиканскую границу и в городе Ногалес вышла замуж за Натана Стюарта Зонтага. Джуди и Сью были неприятно удивлены, когда узнали об этом уже после свадьбы. Зонтаг в молодости написала рассказ, в котором есть отголоски истории, как она узнала о новом союзе своей матери.

Ты знаешь, что я хочу тебе рассказать, дорогая.

Кажется, знаю, мама (ТАК ЧТО ЖЕ ЭТО?).

Ты же хочешь, чтобы у тебя был отец, Рут? Что ты о нем думаешь, дорогая?

(О БОЖЕ, ДА КТО ЖЕ ЭТО?) Мне кажется, что это отличный выбор.

В любом случае имеет значение то, что ты считаешь важным¹⁶⁰.

Совершенно понятно, почему Сью испытывала смятение. Ее любившая флиртовать мать была окружена «дядями» и выглядела как распутная веселая вдова. Однако то, что Милдред выбрала в качестве мужа Ната Зонтага, свидетельствует, что подобные подозрения не имеют под собой оснований.

Капитана Зонтага сбили над Францией через пять дней после высадки союзников летом 1944 года. Он был ранен, и его отправили лечиться на огромную базу ВВС под Тусоном. Именно тогда Милдред с ним и познакомилась. Если сравнивать летчика Зонтага с остальными ухажерами Милдред, можно подумать, что ее выбор был как минимум странный. «Они были абсолютно разными людьми, – вспоминал Пол Браун. – Она стремилась к роскошной жизни, которую он, совершенно очевидно, не мог ей обеспечить. Он был добрым человеком, типичным буржуа, представителем среднего класса. И, несмотря на все это, они были близкими друзьями».

В отличие от Милдред, у Ната «не было никаких звездных качеств, и точка. А вот у нее были».

Такой выбор супруга показался бы еще более странным, если бы девочки и окружающие знали детали, которыми была поражена Джуди, столкнувшись с ними много лет спустя (Сьюзен же, судя по всему, так никогда и не узнала об этом). Милдред сообщила Джуди о том, что после ранения Нат оказался абсолютно немощным в сексуальной жизни. «Я не думаю, что ее очень интересовал секс», – сухо заметила Джуди.

Так или иначе, по словам Брауна, Нат обожал свою жену. Он был достаточно красив для того, чтобы тщеславная Милдред чувствовала, что «при ней»¹⁶¹ находится презентабельный мужчина. Нат смог восполнить и другую потребность Милдред, пожалуй, более глубокую, чем чувственность. Не став любовником Милдред, он заменил ей родителей, которых она так рано потеряла. «С моим отчимом мама была просто как ребенок», – вспоминала Джуди. Нат Зонтаг называл свою жену «бейби». Собственно говоря, это слово используется между любящими часто, но в этом случае оно во многом отражало родительскую роль Ната, который заботился о своей жене, готовил и убирался, словно китайская прислуга, о которой Милдред так часто вспоминала.

Для многих знавших Милдред выбор оказался неожиданным. Спустя много лет после свадьбы Зонтаг Пол Браун, будучи бисексуалом, был сильно удивлен, что Нат пытался свести его с мужчинами. Однажды Милдред уговаривала Пола взять в жены чернокожую сотрудницу его салона и подарила книгу о фиктивном браке гея и лесбиянки, которые вступили в брак,

---

¹⁶⁰ Sontag Papers, 1948.

¹⁶¹ Интервью автора с Джудит Коэн.

чтобы без риска социальной стигмы заниматься личной жизнью под прикрытием традиционной супружеской пары. «Браки с черными тогда начинали становиться модными», – вспоминал Браун. Милдред почувствовала веяние времени и говорила, что такой союз обеспечит ему «отличный пиар». Браун знал, что она совершенно права. Однако он не хотел строить отношения с женой на обмане, да к тому же его сотрудница была гетеросексуальной. Милдред нетерпеливо заявила, что все это не имеет никакого значения, отчего Браун задумался, не рекламируют ли ему схему семейной жизни, сложившуюся в семье Зонтаг.

Вполне возможно, что после замужества матери Сьюзен вздохнула с облегчением, оттого что ее освободили от роли родителя. Однако влияние матери, много скрывавшей от своего чада, не прошло бесследно, поэтому Зонтаг, уже будучи взрослой, зачастую не знала, что надо скрывать в личной жизни и когда притворяться. Отец Сьюзен умер рано, а мать вела себя словно ребенок, и как следствие Зонтаг часто стремилась превратить своих любовников в опекунов.

Нат Зонтаг оставил Сьюзен «долгоиграющее» наследство, а именно свою компактную и звонкую фамилию, которая заменила невыразительную и длинную фамилию Розенблатт. Нат официально не удочерил сестер. Сьюзен взяла его фамилию частично из-за периодических приступов антисемитизма. «Она запомнила и удар по голове, и фразу “грязная еврейка”, – говорила Джуди. Во время учебы в школе Мэнсфилд в Тусоне Сьюзен тоже называли жидовкой, и забыть это она тоже не могла¹⁶².

Выйдя замуж, Сьюзен подписала несколько документов как «Сьюзен Рифф» и оставила записи о своем отношении к перемене фамилии. По ее мнению, фамилия Розенблатт была слишком еврейской. «Я не чувствую никакой обязанности носить эту фамилию, – писала она. – Я отказалась от нее после того, как моя мать снова вышла замуж, но не потому, что она или мой отчим меня об этом просили. Я сама хотела сменить фамилию. Я всегда мечтала о том, чтобы мать снова вышла замуж. Я хотела иметь другую фамилию. Та, которая у меня была, казалась мне слишком уродливой и иностранной»¹⁶³.

На самом деле фамилия Зонтаг также является еврейской, однако на слух действительно не воспринимается такой «иностранной». Благодаря новой фамилии стало сложнее определить происхождение Сьюзен и навесить на нее ярлык. Она изменила фамилию приблизительно в тот период, когда приняла сознательное решение стать популярной. И сделала это в том числе, чтобы не чувствовать себя аутсайдером. Тогда она впервые приняла решение полностью изменить свою жизнь. Позднее на ее пути будет достаточно таких осознанных трансформаций. Кроме этого можно утверждать, что решение изменить фамилию связано с желанием (которое позднее исчезло) не выделяться из толпы среднестатистических американцев. В своем последнем романе «В Америке» она писала, что смена фамилии носила не просто косметический характер. «Невозможно чувствовать себя искренним, когда вас фотографируют.

Невозможно чувствовать себя прежним человеком, когда вы изменили имя»¹⁶⁴.

Сьюзен Зонтаг не хотела быть похожей на беспомощную, непопулярную и больную астмой Сью Розенблатт. Вскоре после этого она покинула места, в которых чувствовала себя униженной. Потом, уже во взрослом возрасте, когда она находилась в расположенном в Аризоне Финиксе, ее друг Лэрри МакМуртри пригласил ее в свой дом в Тусоне. Зонтаг отказалась. Она больше никогда не вернулась в Тусон¹⁶⁵.

¹⁶² *Zontag*. «Заново рожденная», сентябрь 1957.

¹⁶³ *Susan Rieff*, “Decisions”, *Sontag Papers*.

¹⁶⁴ *Zontag*. «В Америке».

¹⁶⁵ Интервью автора с Лэрри МакМуртри.

Глава 4. Нижняя Слоббовия

Семья Зонтаг уехала из Аризоны летом 1946 года, через несколько месяцев после свадьбы Ната и Милдред. Они переехали в Лос-Анджелес, где Нат нашел работу продавца часов, на которых печатались рекламные лозунги¹⁶⁶. Это был город, в котором выросла Милдред, в котором была похоронена ее мать. С момента, когда она его покинула, прошло четверть века. За это время Милдред превратилась из девочки в женщину среднего возраста, и сам город изменился почти до неузнаваемости. Неизменной в Лос-Анджелесе осталась только хорошая погода.

Когда Милдред уезжала из Лос-Анджелеса, он был маленьким и провинциальным местечком, отрезанным от цивилизации горами и пустынями. Когда же она вернулась, он был уже одним из символов американской мечты и успеха. Лос-Анджелес олицетворял промышленную и военную мощь США, а также стал крупнейшим культурным центром. К концу войны слово «Голливуд» приобрело узнаваемость во всем мире. Гламур и казавшиеся неисчислимыми богатства Южной Калифорнии превратили город в воплощение американской мечты для самих американцев. В своем последнем романе Зонтаг писала: «В Америке есть своя Америка. Это страна, в которой осуществляются мечты, в которую все стремятся попасть»¹⁶⁷.

Многие селились в долине Сан-Фернандо, отделенной холмами от центральной части города. Благодаря сериалам «Семейка Брейди» и «Предоставьте это Биверу» она стала символом обеспеченных американцев. Такие люди, как Нат Зонтаг, – представители среднего класса, нередко ветераны войны, – предпочитали аккуратные домики с подстриженными газонами, синее небо и высокие пальмы. Во времена юности Милдред в тех местах росли сады апельсиновых и лимонных деревьев.

Долина Сан-Фернандо не только значила для Америки незапятнанную, новую жизнь, но и была оплотом белых консерваторов-националистов – «американской глубинки, из которой она [Милдред] вышла сама, но которую боялась и презирала»¹⁶⁸, как писал ее сын Давид. Отвращение Зонтаг чувствуется в эссе «Паломничество» (1987 г.). В этой работе она вспоминала сцены жизни в пригородах сразу после войны: «Плотно завернутые в фольгу филе и кукуруза в сливочном масле во время барбекю на веранде», «еженедельные комедийные шоу с искусственным, словно консервированным, смехом, сладкий, как патока, хит-парад, истерия комментаторов бейсбольных игр и боксерских матчей». Она чувствовала необходимость «отгородиться от бессмыслицы» и материалистической пустоты в голове, которые позже символизировали Девушку из Долины¹⁶⁹.

Впрочем, не все воспоминания Зонтаг о Лос-Анджелесе были негативными. Гораздо позднее она жаловалась своему ассистенту, выросшему в Лос-Анджелесе, на знакомого, который недавно вернулся из Нью-Йорка. «Как же я устала от их клишированных жалоб, – говорила Зонтаг и перечисляла: – В городе нет центра. Жить без машины невозможно. Никакой культуры»¹⁷⁰. Лос-Анджелес 1946-го не был похож на гигантский мегаполис, каким он стал сейчас, однако по сравнению с аризонской глубинкой с грунтовыми дорогами это был большой шаг вперед. Для девочки, которая в детстве могла ограничиться чтением *Modern Library* в дальнем углу магазина канцелярских товаров, в этом городе было вполне достаточно всего для ее роста.

---

¹⁶⁶ Ephron, “Not Even a Critic Can Choose Her Audience”.

¹⁶⁷ Зонтаг. «В Америке».

¹⁶⁸ Rief, *Swimming*, 88.

¹⁶⁹ Sontag, “Pilgrimage”.

¹⁷⁰ Интервью автора с Грегом Чандлером.

Семья Зонтаг поселилась в доме № 4540 на Лонгридж-авеню в Шерман-Оукс у подножия гор Санта-Моника. Поблизости находились киностудии, которые вскоре начнут популяризировать по всему миру фастфуд, ТВ, культуру, неотъемлемой частью которой являются автомобиль, Фрэнк Синатра и Бинг Кросби. Район Шерман-Оукс был по-калифорнийски слегка «отмороженным», но при этом достаточно значимым. Сьюзен вспоминала, как видела валяющиеся на лужайке около своей школы «морщинистые презервативы»¹⁷¹, а сосед семьи по Лонгридж-авеню вспоминал о том, что в те времена район считался «лос-аджелесской столицей свингеров»¹⁷².

С первого взгляда можно было решить, что это не место для «влюбленной в чтение девочки-подростка», но дом на Лонгридж-авеню обладал одним неоспоримым преимуществом – в нем впервые в жизни у Сьюзен появилась своя комната. «Теперь я могла часами читать при свете фонарика после того, как меня отправляли в кровать и приказывали выключить свет. Я могла читать не под палаткой из одеяла, а просто ни от кого не скрываясь»¹⁷³. Дверь в собственной комнате стала ее спасением. Во время переезда она прочла книгу, которая произвела на нее огромное впечатление, открыв ей глаза на профессию, которой, как ей представлялось, Сьюзен будет заниматься в будущем. Это был роман Джека Лондона «Мартин Иден». Джек Лондон был родом из Калифорнии, он стал одним из самых известных писателей в мире. Точно так же, как и Ричард Халлибертон, он любил приключения, и точно так же, как Халлибертон, умер молодым. Роман «Мартин Иден» повествует о сложностях творческой профессии писателя, о том, как простой калифорниец мечтает, что займется писательством, сможет побороть мещанство и непонимание. На какой-то период времени он добивается успеха, но потом, как и полагается романтическому герою, заканчивает жизнь самоубийством. Мечтательный Мартин живет обособленно, и некоторые эпизоды его жизни напоминают Сьюзен события, которые переживает она сама. Когда Сьюзен получает первый отказ от издательства, она вспоминает Джека Лондона. Она пишет, что этот отказ ее «не очень сильно расстроил». «Скорее я испытала некоторое возбуждение от записки и письма с отказом, потому что поняла, – думая, как всегда, о «Мартине Идене», – что это (мои первые) метки становления писателем»¹⁷⁴.

Однако ее терзали сомнения, ей казалось, что «Мартин Иден» – не самая высокая форма искусства, к которой она стремилась. Возможно, ее смущало то, что Лондон был автором бестселлеров, то есть писателем, произведения которого читали в Шерман-Оуксе. Через три года после того, как она впервые прочитала «Мартина Идена», Сьюзи писала о том, что этот роман «незначителен для культуры», и отмечала его «вульгарный прием панорамного воспоминания».

Тем не менее этот роман, по ее собственным словам, стал «настоящим пробуждением к жизни».

«В “Мартине Идене” нет ни одной идеи, в которой у меня не было бы твердой уверенности, и многие из моих концепций я сформулировала под непосредственным влиянием этой книги – мой атеизм + значение, которое я придаю физической энергии + выразительность романа, оригинальность, темы сна, смерти и достижимости счастья!»

---

¹⁷¹ Sontag, “Pilgrimage”.

¹⁷² Интервью автора с Уве Мишель.

¹⁷³ Sontag, “Pilgrimage”.

¹⁷⁴ Sontag Papers, August 24, 1987.

По мнению Джека Лондона, счастье невозможно. «Для меня «пробуждающая» книга говорит об отчаянье + поражении, и я выросла, в буквальном смысле даже не мечтая о том, что можно быть счастливой»¹⁷⁵.

Глубоко скептическое отношение к возможности стать счастливым было нередким явлением среди поколения Зонтаг. Флоренс Мальро, подруга Зонтаг, была на два месяца младше Сьюзен. Ее отцом был французский писатель Андре Мальро, а матерью еврейка Клара. Флоренс писала, что основным событием ее детства была немецкая оккупация, в условиях которой «личное счастье не было стремлением». «Все было подчинено более высоким целям»¹⁷⁶.

Личный жизненный опыт заставлял Зонтаг реагировать на работы писателей, обличавших несправедливость. Война стала для нее настоящим шоком, книги Виктора Гюго сделали из нее осознанного социалиста, работы Джека Лондона подтолкнули еще дальше.

Однако именно отношения в семье сыграли роль эмоционального стимула к интеллектуальному развитию, и именно благодаря им она стала ассоциировать себя с Фантиной или Мартином Иденом. Отсутствие отца, несчастная мать, ощущение того, что ее не понимают, того, что у нее «в собственной жизни творится полный бардак»¹⁷⁷, все это в совокупности привело к тому, что Зонтаг было сложно даже представить себе, что она может быть счастливой, так как она совсем не знала этого чувства. Сын Зонтаг писал, что Сьюзен «никогда не знала, как можно чувствовать себя счастливой в настоящем», и это было одно из самых «великих сожалений и горьких разочарований ее жизни»¹⁷⁸.

Ее душевное состояние являлось полной противоположностью погоде и настроению Южной Калифорнии и ее жителей. В долине Сан-Фернандо, где все говорило языком прогресса, несчастье воспринималось как моральное поражение. Скука в школе и отсутствие счастья в семье поставили Сьюзен, хотела она этого или нет, в положение человека, находящегося в постоянном противоречии с местными культурными ценностями.

Она оказалась не первым человеком, ощутившим противоречие между обещаниями земли обетованной и положением неудачника, переживающего провал на всех фронтах. Именно этот контраст между ожиданиями и действительностью – одна из основных тем в литературе калифорнийских авторов. Ее разрабатывал Джек Лондон, она присутствует в романе Фрэнка Норриса «Спрут» (1901 г.), в котором описан конфликт между строителями железной дороги и фермерами, через поля которых она проходит. Эта тема фигурирует в романе Джона Стейнбека «Гроздь гнева», повествующем о тяжелой жизни людей на засушливом Западе. Она же присутствует в «суровых» детективах Реймонда Чандлера и Дэшила Хэммета, которые делали широко узнаваемым неудачливого калифорнийца, а в его лице – неудавшихся актрисок и бездельников, прожигающих в барах время.

Тема тьмы в крае обетованном присутствует и в фантастике.

В 1965 году напечатали эссе Зонтаг «Воображение катастрофы», появившееся благодаря интересу Сьюзен к этому жанру, часто воспринимавшемуся как китч. Зонтаг пересмотрела сотни фантастических фильмов, изображающих «ультранормальную среду обитания среднего класса», похожую на калифорнийские пригороды, в которых они чаще всего и были сняты. Это тихие и скучные места, в которых моментально рвется мембрана нормальности: «Неожиданно кто-то начинает странно себя вести или какое-нибудь безобидное растение становится монструозно большим и начинает двигаться»¹⁷⁹.

---

¹⁷⁵ *Zontag*. «Заново рожденная», 12 января 1950.

¹⁷⁶ Интервью автора с Флоренс Мальро.

¹⁷⁷ *Sontag*, “Pilgrimage”.

¹⁷⁸ *Rieff*, *Swimming*, 142.

¹⁷⁹ «Воображение катастрофы» / “The Imagination of Disaster”. *Zontag*. «Против интерпретации и другие эссе».

Точно так же, как и в своих первых, написанных в Тусоне текстах, Зонтаг придает огромное значение языку, которым выражают ужас.

«Такие фразы, как «Иди сюда быстрее, у меня в ванне монстр», «С этим надо что-то делать», «Подождите, профессор, в трубке что-то слышно», «Просто невероятно» и старое доброе клише «Надеюсь, что это поможет!», звучат смешно в контексте яркого и оглушающего холокоста. При этом в картинах присутствует что-то болезненное и нешуточно искреннее»¹⁸⁰.

«Нешуточно искреннее» – это ужас в эпоху атомной бомбы, боязнь перед «постоянной угрозой двух одинаково страшных и разных судеб: беспросветной банальности и невообразимого ужаса»¹⁸¹. В эссе прочитывается страх, объясняющий ее, возможно, кажущийся нелепым интерес к этой форме популярной культуры. Это обеспокоенность перед тем, что люди, подобные ей, в таком мире будут облачены в образ фриков. «В научно-фантастических фильмах ученые всегда преподнесены в строгом амплуа интеллектуалов, и этим ученым неизменно сносит мозг или они плохо заканчивают, – пишет Зонтаг. – Бескорыстная интеллектуальная любознательность чаще всего демонстрируется карикатурно в виде маниакального помешательства, исключая возможность нормальных человеческих отношений»¹⁸².

В Лос-Анджелесе она обрела нормальные человеческие отношения. В Тусоне она не знала, как себя вести, когда одна девочка отнеслась к ней по-доброму. Помните? В Лос-Анджелесе то, чем она страстно интересовалась, что ранее делало ее в глазах других кем-то вроде фрика, как раз помогло найти друзей. На протяжении всей своей жизни Зонтаг часто чувствовала себя несчастной и оторванной от окружающих, однако постепенно она поняла, что наслаждение от искусства помогает обрести друзей. «Оборотной стороной моей неудовлетворенности... был восторг. Восторг, который я не могла разделить с другими» в годы становления и роста. Ее восторг питали книжные магазины грамзаписей и кинотеатры Лос-Анджелеса. «Вскоре я потягивала лучшие наслаждения из тысячи трубочек»¹⁸³.

От друзей она начала узнавать больше, чем в школе. Музыкальная жизнь города воспитала старшекласников «с возвышенными и эксцентрично строгими вкусами, которые сформировались благодаря упору культуры Лос-Анджелеса 1940-х на классическую музыку. Это была камерная и любая другая музыка»¹⁸⁴. Сьюзен всегда чувствовала себя не такой, как окружающие, и поэтому наряду с любовью к комиксам и научной фантастике она открыла свою душу всему тайному и загадочному, что позднее стало одной из особенностей ее творчества. «Я знала, что от нас ждали, чтобы мы любили безобразную музыку»¹⁸⁵, – с осознанием долга писала она позже. Учитывая, что в то время она видела не так уж много, удивительно, насколько фанатичной она стала позднее и как это осознание долга заставило ее ненавидеть оперу. «Она презирала оперу, – говорил ее друг Меррилл Родин. – Музыка, такая как у Чайковского, была романтической. Гораздо важнее было сопереживать творениям Баха, Бетховена или Стравинского»¹⁸⁶.

Бесспорно, это была неуверенность, выраженная в снобизме. Однако точно так же, как и списки рекомендованной литературы Modern Library, это было попыткой вникнуть в культуру,

---

¹⁸⁰ Ibid., 225.

¹⁸¹ Ibid., 224.

¹⁸² Ibid., 217.

¹⁸³ Sontag, "Pilgrimage".

¹⁸⁴ Ibid.

¹⁸⁵ Ibid.

¹⁸⁶ Интервью автора с Меррилл Родин.

которую она стремилась понять. Семейная история и образование Зонтаг не могли помочь ей разобраться в этом мире, а музыкальная иерархия являлась по крайней мере чем-то, за что она могла зацепиться, чтобы двигаться дальше. Вкусы Сьюзен в музыке, точно так же как и в литературе, никогда не объяснялись исключительно интеллектуальными соображениями. «На мой взгляд, у нее была одна удивительная черта, – говорил Меррилл. – Многогранность восприятия и способность быстро переключаться».

Сьюзен была удивительно работоспособна. В своих записях о романе «Мартин Иден» Зонтаг упоминает, что из этой книги она почерпнула идеи «сна и смерти». Как и самоучка Мартин Иден, она стремилась как можно меньше спать:

«Дни были слишком короткими. Так многое хотелось изучить и постичь. Он ограничил свой сон пятью часами и понял, что для него это вполне достаточно. Он попробовал спать четыре с половиной часа, но потом с сожалением вернулся к пяти часам сна. Он бы с радостью посвящал все время бодрствования своим занятиям. С сожалением он переходил от написания собственных текстов к учебе, от учебы к походу в библиотеку, с сожалением вырывал себя из итурманской рубки знаний или журналов в читальном зале, в которых было так много секретов писателей, которым удалось продать свои произведения»¹⁸⁷.

Сьюзен до конца жизни приравнивала сон к смерти.

Сон у нее ассоциировался с ленью, поэтому она старалась спать как можно меньше и часто стеснялась признаваться в том, что вообще иногда спит. В статье для школьной газеты The Arcade, в которой она была «редактором третьей страницы», Зонтаг писала: «Много часов своей жизни (главным образом между 2 часами ночи и 4 часами утра) я пыталась придумать способы, как можно начать день по-другому, чем просто открыть глаза»¹⁸⁸.

Такие мысли знакомы многим учащимся. Кажется занятным, что во временной промежуток (между двумя и четырьмя часами) она все время пыталась сдерживать себя от сна, словно без этих дополнительных часов она ничего не успеет.

То, что Сьюзен была серьезна не по годам, стало заметно уже в старших классах. «Она была очень собранной и сконцентрированной. Можно даже сказать, аскетичной, если, конечно, таким словом можно описать пятнадцатилетнего подростка, – вспоминал одноклассник. – Ее звали только Сьюзен, и никогда «Сью», это была уже излишняя фривольность. И у нее не было времени на болтовню»¹⁸⁹.

Частично такое положение дел объяснялось застенчивостью. «Казалось, что она была человеком, который смотрел и наблюдал, как фотокамера, но не был пристрастен или не чувствовал участия», – говорил ее друг Меррилл Родин. Сьюзен была выше ростом и моложе остальных учеников. «Мне она казалась долговязой, неловкой, застенчивой и необщительной»¹⁹⁰, – говорил Родин.

Позднее Зонтаг писала о периоде обучения в средней школе в Северном Голливуде как об унылых и застойных годах в ее интеллектуальном развитии. Уже в то время в сатирической статье в школьной газете в The Arcade она сравнивала окружавшую ее среду с выдуманной республикой, заимствованной из комикса Li'l Abner. «Существует удивительное сходство между нашими гражданами и гражданами Нижней Слоббовии»¹⁹¹, – писала она. В 1977 году

---

¹⁸⁷ Jack London, Martin Eden (New York: Macmillan, 1909).

¹⁸⁸ "Time to Get Up". May 17, 1948, Sontag Papers.

¹⁸⁹ Rollyson and Paddock, Making of an Icon, 17.

¹⁹⁰ Интервью автора с Меррилл Родин.

¹⁹¹ "Viva la Slobbovia". The Arcade, April 16, 1948, Sontag Papers.

она написала историю о школьных годах, которая показала, как ей было сложно «отгородиться от бессмыслицы»:

«В 11-м классе всем старшеклассникам раздали Reader's Digest и сказали, чтобы мы сидели тихо и читали. Учительница сидела у доски и вязала.

Я читала европейский худлит и философию, пряча книги за Reader's Digest. Помню, как однажды меня застукали за чтением «Критики чистого разума» Канта – понятия не имею, как я в том возрасте могла все это воспринимать, но честно пыталась это сделать.

Учительница сказала, чтобы я спрятала книгу и вернулась к чтению Reader's Digest»¹⁹².

Сьюзен много и с удовольствием писала об учителях, которые ее вдохновляли, включая преподавателей по английскому языку, с которыми было много увлекательных бесед о музыке, литературе, религии и политике. Впрочем, судя по записям из ее дневника, складывается ощущение, что Сьюзен была настолько не по годам развитой, что сложно представить себе учителя, который мог бы полностью удовлетворить ее интеллектуальную жажду. «Я считаю, что Шопенгауэр не прав, – писала она в возрасте 14 лет. – И делаю это утверждение исключительно на основании минимальной части его философии – его тезиса о неизбежной бессодержательности человеческого существования»¹⁹³. Она цитировала Ницше: «Убеждения – это более опасные враги правды, чем ложь». Так Зонтаг выразила свое скептическое отношение к этой мысли, но заметила: «В любом случае звучит красиво»¹⁹⁴. В возрасте 15 лет она сетовала по поводу «трагической буквальности Кольвиц». В выпускном классе она подготовила работу о Фрейте («слишком хорошо известном, чтобы нуждаться в каком-либо представлении»). Вот что она писала с высокомерием, свойственным далеко не каждому выпускнику в те и даже в наши времена: «У меня нет никаких возражений по поводу первой главы (трактата «Недовольство культурой»). В последующих семи главах, в особенности в последних, я зачастую не могла уловить логику Фрейда. Тем не менее первые две главы о религии в высшей степени ясно и четко освещают главную идею, которую я категорически поддерживаю»¹⁹⁵.

Южная Калифорния была определенно не Нижней Слоббовией. Однако стиль текста («в высшей степени ясно и четко освещают главную идею, которую я категорически поддерживаю») Сьюзен, судя по всему, переняла где-то за пределами школы Северного Голливуда, в которой училась. Многие из книг, которые она читала при свете фонарика в спальне на Лонгридж-авеню, Сьюзен приобрела в Лос-Анджелесе, в местах, среди которых был киоск на пересечении Голливуда и Лас-Пальмас, где «порно стояло в первых рядах, а литературные журналы – в самых дальних».

Среди журналов, которые она читала, был популярный в среде нью-йоркской интеллигенции Partisan Review. В этом журнале писали совсем не о том, о чем говорили во время барбекю на веранде. Сперва Сьюзен не понравились материалы. Она купила один номер, и язык изложения показался ей «совершенно непонятным»¹⁹⁶. Но у нее возникло ощущение, что в журнале обсуждали очень важные вещи, и она решила «сломать шифр»¹⁹⁷.

---

¹⁹² Perron, "Susan Sontag on Writing". Описание нескольких добрых учителей английского языка в ее дневниках наводит на мысль о том, что это довольно вычурное повествование – одна из выдумок Зонтаг, к которым у нее была определенная склонность.

¹⁹³ Sontag Papers, March 7, 1947.

¹⁹⁴ Sontag Papers, Notebook № 5, March 7, 1947 – May 6, 1947; Notebook № 11, May 28, 1948 – May 29, 1948.

¹⁹⁵ Sontag Papers, October 18, 1948.

¹⁹⁶ Sontag Papers, August 24, 1987.

¹⁹⁷ Steve Wasserman quoted in Schreiber, Geist, 33.

Этот журнал стал для Сьюзен путеводной звездой. «Я мечтала о том, что, когда вырасту, приеду в Нью-Йорк и буду писать для *Partisan Review*, чтобы меня читало 5000 человек»¹⁹⁸. В культурном, но не в религиозном смысле это было еврейское издание, а в политическом – социалистическое (несмотря на то что само название звучало слегка коммунистически). «Нью-йоркский интеллигент – это человек, пишущий, редактирующий или читающий *Partisan Review*»¹⁹⁹. Она верила в то, что может найти свое место в мире, в котором интеллигентов не считают ни фриками, ни экстраординарными людьми.

«Сью, – говорил ей отчим, – если ты будешь так много читать, то никогда не найдешь мужа». Однако благодаря книгам и журналам наподобие *Partisan Review* Сьюзен понимала, что это не так. «Этот идиот не знает, что в мире существуют интеллигентные люди. Он думает, что все такие же, какой он», – вспоминала Зонтаг.

«Несмотря на то что я была изолирована и одинока, у меня никогда не возникало сомнений в том, что где-то есть много людей, похожих на меня»²⁰⁰.

---

¹⁹⁸ *Margalit Fox*, “Susan Sontag, Social Critic with Verve, Dies at 71”. *New York Times*, December 28, 2004.

¹⁹⁹ Norman Birnbaum quoted in James Atlas, “The Changing World of New York Intellectuals”. *The New York Times Magazine*, August 25, 1985.

²⁰⁰ *Zoë Heller*, “The Life of a Head Girl.” *Independent*, September 20, 1992.

Глава 5. Цвет стыда

Где-то на далеком Манхэттене, на другом побережье от Шерман-Оукс, находился мир, к которому Сьюзен могла бы принадлежать. Однако гораздо ближе, в самом Лос-Анджелесе, на холмах над бульваром Вентура, были другие звезды – это были одни из самых известных деятелей европейской культуры, которые бежали от нацистов, чтобы найти приют «в краю лимонных деревьев, серферов, архитектуры в стиле необаухаус и превосходных гамбургеров». В Южной Калифорнии жили Игорь Стравинский, Арнольд Шёнберг, Фриц Ланг, Билли Уайлдер, Кристофер Ишервуд, Олдос Хаксли, Бертольт Брехт и Томас Манн²⁰¹.

Сьюзен столкнулась с этим миром 28 декабря 1949 года, когда она и двое ее друзей «в шесть вечера устроили допрос Богу», то есть Томасу Манну.

«Оцепеневшие от трепета и восхищения, мы сидели напротив его дома (1550, Сан-Ремондрайв) с 17:30 до 17:55 и репетировали. Дверь открыла его жена – худенькая, с волосами и лицом серого цвета. Он сидел в дальнем конце дома в гостиной на диване.

И держал ошейник большой черной собаки, лай которой мы услышали, когда шли по дому. На нем был бежевый костюм, бордовый галстук и белые туфли, ступни вместе, колени раздвинуты. Сдержанное выражение ничем не выдающегося лица, точно как на фотографиях. Он провел нас в свой кабинет (вдоль стен, понятное дело, стояли полки с книгами). Говорил он медленно и выражался точно, акцент у него не такой сильный, как я ожидала. «Ну, сообщите нам, что сказал оракул».

О «Волшебной горе»:

Роман начат в 1914-м и закончен после многих перерывов в работе в 1934 г.

«педагогический эксперимент»

«аллегоричный»

«является, как и все немецкие романы, образовательным романом»

«Я попытался суммировать все проблемы, стоявшие перед Европой перед началом Первой мировой войны»

Задавать вопросы, но не давать ответы – может ли быть что-нибудь еще более само-надеянное?»²⁰²

Сьюзен была разочарована. «Комментарии автора заражают его книгу банальностью». Дневники Манна тоже показались ей банальными. В понедельник 26 декабря он писал: «Хорошая погода». Во вторник он жаловался на выделения из уха и отметил: «Погода все еще ясная и мягкая». Запись в среду: «Днем было интервью со студентами из Чикаго по поводу “Волшебной горы”». Далее Манн записал: «Много почты, книг и рукописей»²⁰³.

Встреча с писателем произвела на Зонтаг такое большое впечатление, что сразу после нее она начала писать о ней.

Лишь почти через 40 лет, в 1987-м, вышло «Паломничество» – рассказ о том, как она встречалась с престарелым «Богом в ссылке», нобелевским лауреатом и одним из тех, кто олицетворял достоинство и благородство немецкой культуры. «Паломничество» – это водораздел детства и юности Сьюзен Зонтаг – девочки из провинции, которая благодаря обожанию своих блестящих предшественников постепенно вошла в ряды тех, кого ценила и уважала. Это одно

---

²⁰¹ Sontag, “Pilgrimage”.

²⁰² Sontag Papers, December 28, 1949.

²⁰³ Thomas Mann, Tagebücher 1949–1950, ed. Inge Jens (Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1991), 143.

из немногих воспоминаний, которые были опубликованы при жизни Зонтаг. В «Паломничестве» прочитывается неуверенность молодой Сьюзен, которая к 1987 году стала такой же крупной фигурой на мировом небосводе культуры, как и сам Томас Манн, и эта работа является одной из ее наиболее известных.

История рассказывает о дружбе Сьюзен с Мерриллом Родином – мальчиком «дерзким, коренастым и светловолосым», а вдобавок – таким же умным, как и она сама. Как и Зонтаг, он с удовольствием выучил все 642 числа каталога Кёхеля – полный список произведений Вольфганга Амадея Моцарта в хронологическом порядке. Меррилл настолько любил творчество Стравинского, что играл со Сьюзен в следующую игру: «За сколько дополнительных лет жизни Стравинского мы готовы умереть прямо сейчас?» Они легко были готовы умереть за 20 дополнительных лет жизни Стравинского. Три года казалось им слишком мало, чтобы пожертвовать своими «жалкими жизнями «калифорнийских школьников». «Тогда четыре?» – «Да», – писала она. – «Чтобы Стравинский прожил еще четыре года, каждый из нас был готов умереть за него прямо сейчас»²⁰⁴.

Меррилл был человеком, с которым Сьюзен с удовольствием обсуждала литературу. Она купила «Волшебную гору» в голливудском книжном Pickwick Bookstore, «проглотила» ее, после чего «вся Европа заполнила мою голову», и, конечно, поделилась своими мыслями с Мерриллом. Тот быстро прочел книгу и предложил потрясающе смелый план – попытаться встретиться с автором «Волшебной горы», который жил поблизости, в Пасифик-Палисайдсе. Сьюзен была в ужасе от такой дерзости, но в телефонном справочнике они нашли адрес Томаса Манна (Сан-Ремо-драйв, дом № 1550). Сьюзен спряталась в другой комнате, а Меррилл набрал номер телефона Манна. К удивлению, ответившая на звонок женщина говорила вежливо и пригласила их навестить великого писателя.

«Я никогда не встречала человека, который, будучи совершенно расслабленным, производил такое сильное впечатление», – писала Зонтаг.

В присутствии двух ерзающих от волнения подростков светило обсуждал сложные вопросы: «судьбу Германии», «демоническое», «бездну» и «соглашение Фауста с дьяволом». Сьюзен изо всех сил старалась не сморозить какую-нибудь глупость: «У меня было впечатление (и именно это воспоминание мне кажется наиболее трогательным), что Томаса Манна может задеть глупость, которую кто-нибудь из нас мог бы сказать... глупость всегда ранит, и так как я боготворила Манна, то должна была уберечь его». Аудиенция закончилась без каких-либо ужасных оплошностей. «Мне кажется, что мы с ним больше никогда не обсуждали эту встречу».

Это очень символичная история, наполненная резонирующими контрастами: между Америкой и Европой, молодостью и старостью, прошлым и будущим, строгой мужественностью и бурлящей женственностью. Мы знакомимся с «сестрами-карликами Эллой и Неллой, возглавившими клуб Библейского бойкота, действия которого привели к тому, что из нашей программы изъяли учебник по биологии». Томас Манн воплощает одну из ее любимых тем: разницу между тeneвым миром изображений и суровыми реальностями жизни. «Я научилась более терпимо относиться к разнице между личностью и его работой, – писала она. – И это был первый случай в моей жизни, когда я встретила человека, о котором у меня уже сложились твердые представления, хотя до того я видела его только на фотографиях».

Однако если мы сравним «Паломничество» с другими сведениями об этой встрече, то увидим серьезные разночтения. Действительно, Сьюзен и Меррилл встречались с Томасом Манном в его доме в Пасифик-Палисайдсе, но факты в эссе были «отретушированы» в гораздо большей степени, чем обыкновенно искажены воспоминания о прошлом. Эссе Зонтаг можно назвать мемуарами с очень большой натяжкой. Занятно, что при этом она вкладывает огром-

²⁰⁴ From an early draft of "Pilgrimage", Sontag Papers.

ное количество сил в изложение подробностей, которые должны убедить читателя в правдивости этой истории:

«Да, это был голос другой женщины, у них обеих был акцент: «Это миссис Манн. Что вы хотите?»»

– Она именно так и сказала? Она, видимо, разозлилась.

– Нет-нет, по голосу этого не чувствовалось. Может, она ответила так: «Миссис Манн слушает». Точно не помню, но, честное слово, тон у нее совершенно точно не был раздраженным. И потом она сказала: «Что вы хотите?» Нет, подожди, она сказала: «И что вы хотите?»»

– А потом что?

– Потом я сказал... ну, ты сама знаешь, мы два ученика...»

Однако, согласно записям в дневниках Манна и самой Зонтаг, учеников было не двое, а трое. И были они не учениками старших классов, а студентами колледжей. Зонтаг в начале истории пишет, что события произошли в декабре 1947-го, но это тоже не соответствует истине. Встреча с Манном произошла в декабре 1949-го, в другой период ее жизни.

К этому моменту она уже не вела бесцельную жизнь в Долине и пребывала в совершенно другой среде; учеба в Чикагском университете позволила Сьюзен окружить себя всем в такой степени изысканным, возвышенным и утонченным, в какой она только могла бы себе пожелать. Возможно, она считала, что если датирует встречу правильно, то это не лучшим образом скажется на изображении контраста между ее скучной жизнью в пригороде и «миром, в котором она стремилась жить, хотя бы как самый скромный гражданин».

В Лос-Анджелесе высокая немецкая культура оказалась гораздо ближе, чем она описывала. Как уже упоминалось, на встрече присутствовал третий человек – Джин Марум, лучший друг Меррилла. Джин родился в богатой семье в Германии и не был евреем. Семья переехала в Калифорнию, когда он был еще ребенком, и родители поддерживали тесный контакт с другими представителями немецкой диаспоры. Джин ухаживал за дочерью композитора Шёнберга Нурией. По воле случая его тетя Ольга, будучи студенткой, жила в Мюнхене вместе с девушкой Катей Прингсхайм, которая позднее стала женой Томаса Манна. Это Катя ответила на телефонный звонок. И звонил ей не Меррилл, а Джин. И договорились они о встрече с Манном, естественно, по-немецки («у них обоих был акцент»).

С художественной точки зрения можно понять, почему Сьюзен изменила в эссе время встречи «с Богом в ссылке». Гораздо эффектнее выглядит фамилия Томаса Манна в телефонном справочнике между «Роуз Манн, Оушен-Парк и Вилбор Манном из Северного Голливуда»²⁰⁵, это подчеркивает различие между обыденностью ее положения и высоким статусом нобелевского лауреата. Знала ли Зонтаг человека, который был знаком с Катей Манн, было ли ей 14 (как в истории) или 16 лет (как в реальности), вне всякого сомнения, это различие существовало.

В истории есть и другие искажения, которые не приносят никакого драматизма и, как может показаться, играют незначительную роль, однако указывают на то, что автор, возможно, что-то скрывает. Об этом свидетельствуют лаконичные записи в дневнике Зонтаг. В эссе отмечено, что встреча состоялась в четыре часа, а из дневников следует, что мы «допрашивали Бога весь вечер с шести». В дневнике Манн сидит на диване, в истории – в кресле. По записям из дневника, они общались в гостиной, в истории – в «кабинете Томаса Манна».

В истории они обсуждают роман «Доктор Фаустус», который вскоре после этого должен был выйти. Манн объяснял, что в тексте романа есть много фраз на старонемецком диалекте

---

²⁰⁵ From an early draft of “Pilgrimage”, Sontag Papers.

XVI века, и выражал опасения, что широкая читательская аудитория в США его не поймет. В реальности они действительно обсуждали эту книгу, но не так. Книга вышла на английском в 1948 году. В эссе действие происходит в 1947-м, поэтому Сьюзен могла услышать только мнение автора, не читая книгу. «Через 10 месяцев, буквально через несколько дней после выхода книги», они с Мерриллом заехали в Pickwick Bookstore: «Я купила для себя один экземпляр, а Меррилл для себя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.